
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА
№ 26 ИЮНЬ 1976

Москва. Большой Кремлевский дворец. 21 июня 1976 года.

ЛИТЕРАТУРА СТРОИТЕЛЕЙ

Д. Кугультинов, А. Шогенцуков, К. Яшен, А. Алимжанов.

Кубинский поэт Николас Гильен в зале заседаний съезда.

КОММУНИЗМА

VI СЪЕЗД ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Писатели на выставке произведений А. Пластова и С. Коненкова в Центральном выставочном зале.

Советская литература неразрывно связана с партией и народом. Их дела и свершения — неисчерпаемый источник вдохновения для художников слова. Героическое прошлое нашей Родины и славный сего-

Продолжение см. на стр. 4.

ПРЕЗИДЕНТ ФИНЛЯНДИИ В МОСКВЕ

21 июня в Советский Союз по приглашению Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства с деловым визитом прибыл Президент Финляндской Республики Урхо Калева Кекконен.

21 июня состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с Президентом Финляндской Республики У. К. Кекконеном.

В ходе беседы состоялся обмен мнениями о перспективах дальнейшего развития сотрудничества между Советским Союзом и Финляндией, а также по актуальным вопросам международного положения.

Л. И. Брежнев и У. К. Кекконен подтвердили намерение обеих сторон и впредь расширять сотрудничество между ними в политической, торгово-экономической и других областях на незыблемой основе Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи 1948 года.

Встреча прошла в теплой, дружественной обстановке.

Во время беседы.
Фото В. МУСАЭЛЬЯНА. (ТАСС)

ДЕПУТАТ НАРОДА

Июньская жара в Ханое беспощадна. Она растворяет саму тень под гигантскими баньянами, корни их в перегретом, влажном воздухе висят понурыми плетьми. Спасение найти можно только на берегах городских водоемов. Самый прохладный из них — огромное Западное озеро, над берегами которого всегда тянет ветерок, смешивающийся с запахом лотоса и поскрипыванием молодого бамбука. В построенной здесь у воды гостинице «Тханлой», что означает «Победа», размещают самых уважаемых и дорогих гостей. В эти дни, в канун открытия первой сессии Национального собрания единого Вьетнама, гостиница предоставлена съезжающимся в Ханой депутатам с Юга. Многие постояльцы «Тханлоя» не видели вьетнамской столицы 30 лет. Центр ее узнать им трудно. Да и депутаты помоложе, знающие о Ханое от старших товарищей, видят, что многое в рассказах уже не совпадает с действительностью. Главная площадь Бадинь расширилась, на ней воздвигнут Мавзолей Хо Ши Мина. И хотя дальше в старинных кварталах все вроде бы по-прежнему, но все же и не так, как было: сшиблены претенциозные памятники, поставленные когда-то колонизаторами. Выросло новое поколение Ханоя. Улочки измученного нуждой ремесленного люда стали местом формирования нового быта, новых человеческих взаимоотношений.

Вопреки всем послевоенным трудностям и нехваткам выросли корпуса новых благоустроенных зданий. Многие из депутатов, прибывших с Юга пароходом «Хайфон», а затем автобусами, не стыдясь, со слезами ступали на брусчатку ханойских улиц.

И тут уместно вспомнить немного истории. Через шесть дней после провозглашения второго сентября 1945 года президентом Хо Ши Мином Декларации независимости был издан декрет о всеобщих выборах по всему Вьетнаму. 6 января 1946 года они состоялись, и хотя уже разворачивалась пружина французской оккупации, депутаты народа и в Ханое, и в Хюэ, и в Сайгоне получили 80 — 95 процентов голосов. 2 марта 1946 года в Ханое, в студенческом городке, где сейчас стоит построенный с советской помощью политехнический институт, собрались участники первой сессии первого вьетнамского всенародно избранного органа государственной власти. 30 лет тяжелой, кровопролитной войны понадобилось для того, чтобы их воля, их чаяния стали реальностью.

В эти дни сотни депутатов съезжаются в Ханой. Просторное, строгое и величественное здание Национального собрания на площади Бадинь готово принять их. В нем 24 июня начинается работа огромной важности. Высший орган государственной власти должен выработать конституцию страны, определить ее политическое устройство, принять решение о названии, гербе, рассмотреть вопрос о столице.

С каким же настроением займут места на депутатских скамьях 492 посланца народа, на которых возложена поистине историческая миссия?

Мне довелось увидеться с адвокатом Нгуен Локом, представляющим в высшем органе государственной власти всего Вьетнама жителей второго округа города Хошимина. Профессионально четкий в своих определениях, он ответил на мой вопрос так:

— В последние годы в качестве руководителя «Движения за национальное самоопределение родины», развернувшегося среди широких кругов жителей Сайгона, Хюэ и других городов Юга, я не раз сталкивался с депутатами марионеточного парламента. Это была горстка людей, избранных незначительным меньшинством, интересы которого они и представляли. Я много путешествовал по Западной Европе и Америке. В этих странах, где так называемые демократические свободы существуют более 200 лет, я снова увидел, кому служат эти «свободы» в капиталистическом мире. Полученный же мной наказ избирателей — воссоединение родины в государственном плане на основе социализма, в условиях которого демократия становится подлинным достоянием трудящихся. Я счастлив, что Вьетнам идет именно по этому пути...

Мне вспомнилось первое знакомство с Нгуен Локом в городе Хошимине в канун всеобщих выборов 25 апреля. Группа кандидатов из числа 44, выдвинутых в бывшем Сайгоне на 35 депутатских мест, встретилась с журналистами в здании горкома Национального фронта освобождения Южного Вьетнама, принадлежавшем всего год назад «Вьетнамо-американской ассоциации». Невысокий, спокойно и скромно державшийся человек в очках сразу привлек внимание. Какая-то внутренняя сила, порождаемая глубокой верой в справедливость своих убеждений, ощущалась в нем с первых же слов. Известно, что судьба формирует характер, но бывают судьбы, которые ломают человека. Это могло бы случиться и с Нгуен Локом, но не случилось...

Шел 1949 год. Проколониалистская реакция безумствовала в оккупированном французским экспедиционным корпусом Сайгоне. Борцов за независимость, единство и свободу Вьетнама отправляли на гильотины, каторги острова Пуло-Кондор и в концентрационные лагеря. Мало

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 26 (2555)

26 ИЮНЯ 1976

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», «Огонек», 1976.

Советско-иорданские переговоры.

Фото А. ГОСТЕВА.

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ВИЗИТОМ

По приглашению Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства 17 июня в Москву с официальным визитом прибыли король Иорданского Хашимитского королевства Хусейн Бен Талал и королева Алия.

18 июня в Кремле состоялись советско-иорданские переговоры.

В переговорах участвовали:

с советской стороны — член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по внешним экономическим связям С. А. Скачков;

с иорданской стороны — король Иорданского Хашимитского королевства Хусейн Бен Талал, премьер-министр, министр иностранных дел и министр обороны Зейд ар-Рифаи, министр культуры и информации Салах Абу Зейд, министр торговли и промышленности Раджаи Муашар, посол Иордании в СССР Камаль Хаммуд, председатель Национального совета по планированию Ханна Ода.

В дружественной, деловой обстановке были рассмотрены вопросы нынешнего состояния и дальнейшего развития советско-иорданских отношений в политической, экономической и других областях.

кто из адвокатов рисковал тогда открыто выступать на политических процессах.

— Тогда я только защищал людей, осуждаемых в нарушение элементарного права,— рассказывал адвокат.— Не выиграв ни одного процесса, я понял, что нужно бороться против произвола в целом. А после срыва сайгонским режимом выборов, которые должны были состояться, согласно Женевским соглашениям, в 1956 году, вместе со своими единомышленниками создал комитет борьбы за права человека. В 1966 году я был приговорен к десяти годам каторги.

Международная общественность, в том числе Советский комитет поддержки Вьетнама, добилась освобождения Нгуен Лока. Не сломленный полицейскими ищейками президента Тхиеу, он вновь продолжает выступать за независимость родины, за демократические свободы для народа, за единство страны. В 1972 году его лишают гражданства и отправляют в изгнание. Нгуен Лок едет в США и просит конгресс выслушать его рассказ о действительном положении в Южном Вьетнаме. Но перед ним закрываются двери большинства кабинетов американских политиков. Тогда в Париже политический изгнанник открывает свое бюро и, не жалея ни средств, ни сил, отдает всего себя пропагандистской борьбе. Он требует свободы для сотен тысяч узников, томящихся в застенках антинародного режима.

Едва пало марионеточное правительство в Сайгоне, Нгуен Лок немедленно возвращается в освобожденный город. Его помнили многие жители. Он становится во главе центра юридических исследований, где вместе со своими товарищами по борьбе разрабатывает основы нового революционного законодательства.

Сегодня Нгуен Лок — депутат народа, который наделил его и других посланников всего Вьетнама высокими полномочиями. В истории страны начинается новый этап, этап подлинной независимости, единства и развития по социалистическому пути.

В. СКВОРЦОВ, собственный корреспондент «Правды» в Ханое, специально для «Огонька».

По телефону.

КРОВАВАЯ РАСПРАВА

Эхо выстрелов в Соуэто, пригороде Иоганнесбурга, разнеслось по всему миру. Кровавая расправа полиции над мирной демонстрацией школьников превосходит все ранее совершенные злодеяния южноафриканских расистов. В Соуэто убит 61 человек, ранено 788. Вся вина этих школьников состояла в том, что ребята отказались изучать чуждый им язык африкаанс вместо своего родного банту. 16 июня школьники с транспарантами: «Мы — не буры. Мы — африканцы», «Африкаанс — язык белых угнетателей» — вышли на улицы города. На подавление демонстрации расистские власти бросили специальные части по борьбе с волнениями в городах, армейские вертолеты, бронемашины, подразделения вооруженной до зубов полиции. Каратели открыли огонь. Выстрелы раздались без предупреждения. И не в воздух, а в детей. В считанные минуты улицы Соуэто превратились в кромешный ад.

Антирасистские выступления вышли за пределы Соуэто. Студенты и учащиеся Иоганнесбурга организовали демонстрацию и митинг протеста против кровавой бойни в Соуэто и решили бойкотировать учебные занятия. Они несли плакаты с надписями: «Нас хотят изолировать от внешнего мира и тем самым упрочить апартеид», «Расисты, стреляйте опять», «Не убивайте детей», «Соуэто, мы с тобой».

Демонстрации африканцев, протестующих против политики расистского режима, не утихают в ЮАР. Полиция вновь напала на демонстрантов-африканцев в пригородах Претории Мабопани и Аттериджевилле. Как заявило южноафриканское радио, в этих районах «слышна ружейная стрельба».

Расстрел в Соуэто вызвал негодование во всем мире. Повсюду проходят митинги протеста против преступных действий палачей из Претории, демонстрации в защиту африканцев ЮАР, борющихся за свои человеческие права. Организация африканского единства призвала мировую общественность решительно осудить кровавые злодеяния Претории. На чрезвычайном заседании Совет Безопасности ООН единогласно принял резолюцию, осуждающую правительство ЮАР за массовые репрессии и кровавые расправы над африканским населением. Выражено требование незамедлительно прекратить насилия и предпринять срочные шаги по ликвидации апартеида и расовой дискриминации.

Задача ликвидации расизма и апартеида на юге Африки стала одной из самых актуальных международных проблем. Несмотря на суровое осуждение во всем мире, несмотря на многочисленные призывы и требования Организации Объединенных Наций, западные страны во главе с США продолжают оказывать поддержку расистскому режиму Южной Африки. В этом плане следует рассматривать и предстоящую встречу государственного секретаря США Г. Киссинджера с премьер-министром ЮАР Д. Форстером. Ответственность за кровь, пролитую на улицах африканского гетто, должны разделить и западные союзники Форстера. Убийство невинных детей навсегда останется несмываемым клеймом на расистском режиме.

В. Дунаев.

Одна из жертв столкновения. Фото АП — ТАСС.

Иоганнесбург. Демонстранты протестуют против кровавой расправы.

Начало см. на 2-й стр. обложки.

дняшний день, советский человек — творец и созидатель нового общества — вот главные темы, волнующие умы и сердца мастеров многонациональной литературы. Своим творчеством они вносят все более весомый вклад в дело строительства коммунистического общества.

В созданных за последние годы во всех братских союзных республиках новых произведениях социалистического реализма нашло яркое отражение все то важное и значительное, чем живет страна, советский народ. Высокая оценка деятельности творческой интеллигенции дана в Отчетном докладе ЦК КПСС, с которым на XXV съезде партии выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев.

Вдохновленные этой оценкой, с чувством глубокой заинтересованности в судьбах советской литературы собрались в Москве на VI съезд писателей СССР около 550 делегатов.

Съезд открылся 21 июня в Большом Кремлевском дворце.

10 часов утра. Зал заседаний дворца заполнили делегаты и гости съезда, деятели культуры, представители общественности.

Бурными, продолжительными аплодисментами, стоя, встретили собравшиеся товарищей Л. И. Брежнева, В. В. Гришина, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгина, Ф. Д. Кулакова, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорного, М. А. Суслова, Д. Ф. Устинова, Б. Н. Пономарева, М. С. Соломенцева, В. И. Долгих, К. Ф. Катушева, М. В. Зимянина, К. У. Черненко.

Съезд открыл старейший советский писатель Герой Социалистического Труда Н. С. Тихонов.

С огромным воодушевлением делегаты и гости избирают почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым.

Избираются рабочие органы съезда.

Утверждается повестка дня: отчетный доклад правления Союза писателей СССР; доклад центральной ревизионной комиссии Союза писателей СССР; выборы руководящих органов Союза писателей.

Минутой молчания собравшиеся почтили память писателей, скончавшихся за период между съездами.

Н. С. Тихонов сообщил, что на съезд прибыли делегации союзов писателей братских социалистических стран, писатели из многих стран Европы, Азии, Африки и Америки, представители международных писательских организаций. Советские писатели тепло приветствовали зарубежных гостей.

Во вступительном слове Н. С. Тихонов сказал, что на шестой съезд советские писатели собрались, чтобы обсудить итоги своей творческой и общественной работы за минувшее пятилетие, наметить пути деятельности на предстоящие годы в свете решений XXV съезда КПСС.

В заключение оратор сообщил, что в адрес писательского форума поступили приветствия от К. А. Федина и М. А. Шолохова, которые по состоянию здоровья не смогли присутствовать на съезде.

С отчетным докладом правления Союза писателей СССР «Советская литература в борьбе за коммунизм и ее задачи в свете решений XXV съезда КПСС» выступил первый секретарь правления Союза писателей СССР Г. М. Марков.

С докладом Центральной ревизионной комиссии Союза писателей СССР выступил ее председатель В. П. Тельпугов.

Фото А. ГОСТЕВА.

Работает VI съезд советских писателей.

Б. Полевой и А. Сурков.

Узбекская поэтесса Зульфия среди участников писательского форума.

М. Шагинян и И. Андроников.

В. Федоров и А. Калинин.

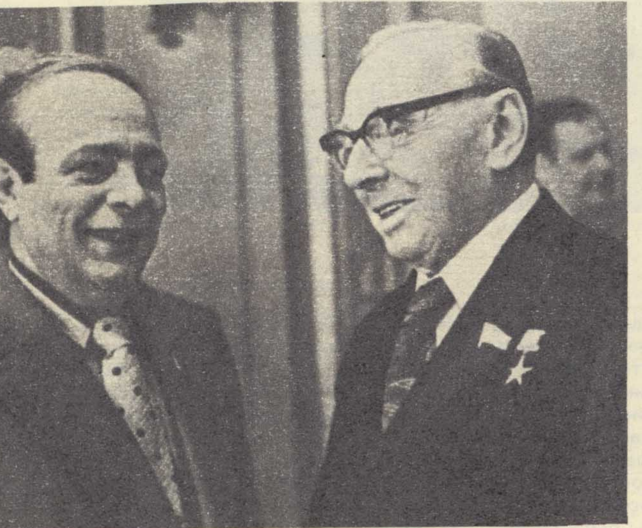

В зале заседаний съезда. На переднем плане писатель Алекс Ла Гума [ЮАР].

На переднем плане гость съезда — английский писатель Джеймс Олдридж.

И. Касумов и Ю. Смолич.

Пакистанский поэт Фаиз Ахмад Фаиз и финский писатель Мартти Ларни — гости съезда.

К. Симонов, Ч. Айтматов и Р. Гамзатов.

И. Стаднюк и М. Алексеев.

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ГЕНЕРАЛА АРМИИ
И. Д. ЧЕРНЯХОВСКОГО

ДОРОГОЙ ПОБЕД

■

В кабинете генерал-полковника в отставке Александра Петровича Покровского много военно-исторических трудов, книг по различным вопросам организации Вооруженных Сил. Сейчас он работает над своими воспоминаниями, занимается общественной деятельностью. В годы Великой Отечественной войны генерал Покровский был начальником штаба различных фронтов, в том числе и 3-го Белорусского, когда им командовал дважды Герой Советского Союза генерал армии Иван Данилович Черняховский. Я прошу Александра Петровича поделиться воспоминаниями об этом замечательном советском полководце.

— К нам в штаб фронта в качестве командующего войсками Иван Данилович прибыл 14 апреля 1944 года,— рассказывает А. П. Покровский.— До этого он командовал 60-й армией, которая умело действовала при освобождении Воронежа, Курска, покрыла себя неувядаемой славой при форсировании Днепра. Черняховский в трудных наступательных боях зарекомендовал себя талантливым, смелым и инициативным генералом.

Надо сказать, работники нашего штаба встречали нового командующего с чувством некоторой настороженности и тревоги. Стремительный взлет тридцативосьмилетнего генерала от командира дивизии в первые дни войны к вершинам полководческой деятельности мог вскружить голову.

С другой стороны, в штабе фронта, который раньше именовался Западным, обстановка была сложной. Фронт зимой 1943/44 года предпринимал несколько наступательных операций и ни разу не добился заметных успехов. Поэтому мы ожидали, что молодой командующий свою деятельность начнет с упреков за прошлые неудачи. Но все получилось иначе. Познакомившись с ближайшими помощниками, он сразу поехал в войска, вникал во все дела армий, изучал на переднем крае оборону противника. Командующий очень скоро вошел в курс жизни и деятельности большого и сложного механизма, каким было фронтовое объединение в период подготовки к наступательной операции, условно названной «Багратион».

Эта операция решала важные стратегические и политические задачи. Следовало ликвидировать так называемый «Белорусский балкон» в районе Витебск — Бобруйск — Минск, уничтожить группировку немецко-фашистских армий «Центр». Это была могучая сила. Судите сами: миллион двести тысяч солдат и офицеров, десять тысяч орудий и минометов, почти тысяча танков, тысяча триста самолетов.

Выполнение этой задачи позволяло начать освобождение Польши, а потом перенести военные действия на территорию фашистской Германии. Выполнение этой крупной задачи возлагалось на войска четырех фронтов. В операции «Багратион» большое значение имело действие нашего фронта, войска которого должны были соединиться западнее Минска с войсками 1-го Белорусского фронта и завершить окружение минской группировки противника.

Понятно, что наш командующий был занят, как говорится, выше головы. Справляться со множеством срочных и очень важных дел ему помогали умение разбираться в людях и выдающиеся профессиональные способности военачальника, которые создали Ивану Даниловичу большой заслуженный авторитет.

А добиться его было не просто. Ведь Черняховский оказался среди нас, руководящих работников штаба и командующих армиями, самым молодым; подчинялись ему крупные военные специалисты, люди с большим жизненным и боевым опытом, герои многих великих битв Отечественной войны.

Помню, как в конце каждых суток мы собирались у командующего, подводили итоги минувшего дня, проверяли знание боевой обстановки, намечали задачи на завтра. Потом я докладывал проект очередного донесения в Генеральный штаб и Ставку Верховного главнокомандования. Иван Данилович внимательно выслушивал доклады и предложения любого сотрудника. Он учитывал в них все, заслуживающее внимания, и всегда очень тактично отвергал то, что не соответствовало обстановке. Молодой, красивый, атлетически сложенный и по-настоящему талантливый, он буквально завладел умами и сердцами своих подчиненных. Мы его любили и делали все, чтобы помочь командующему в нелегком ратном труде.

Погиб генерал армии И. Д. Черняховский 18 февраля 1945 года в Восточной Пруссии. Помню, был пасмурный день. Утром командующий находился в 5-й армии генерал-полковника Н. И. Крылова. Оттуда позвонил члену Военного совета В. Е. Макарову, сообщил, что скоро вернется. Потом позвонил мне, сказал, что едет в 3-ю армию к генералу А. В. Горбатову. Это были последние слова, которые я услышал от нашего командующего фронтом. По дороге в 3-ю армию его машина попала под артобстрел. Осколок снаряда пробил заднюю стенку автомобиля, пролетел между двумя адъютантами и поразил сердце командующего, который сидел рядом с водителем.

В связи с гибелью генерала армии Ивана Даниловича Черняховского в приказе Верховного Главнокомандующего говорилось: «Армия и флот Советского Союза склоняют свои боевые знамена над гробом одного из лучших полководцев Красной Армии».

А. ГОЛИКОВ

С Ч
НАЧ

А. ЩЕРБАКОВ

«Каждый день мы что-нибудь покупаем. И нам, естественно, хочется, чтоб покупка была хоть маленьким событием в семье, приносила радость, тем более теперь, когда уровень жизни так заметно вырос. Почему же нередко вместо радости испытываешь разочарование? Товаров много, а выбрать иной раз нечего.

Я люблю делать покупки для мужа и сыновей. Красивые вещи — сорочки, галстуки, носки — придают праздничность быту. Но где купить, например, красивые носки? У нас торгуют изделиями витебской фабрики «КИМ». Носки добротные. Но до чего же некрасивые! Подойдешь к прилавку, не на чем остановить взгляд — однообразие, скука серая. А ведь расцветка, внешний вид — тоже качество. Хотелось бы знать, откажутся ли текстильщики от «плоскоцветия» в десятой пятилетке? Если им что-то мешает, то что, и как от подобных помех избавиться?

Л. Сверкунова, медицинский работник».

Минск.

На фабрике «КИМ» в Витебске мне предложили посмотреть образцы. Я отказался. Известно — образцы всегда такие, что пальчики оближешь. Если б Знак качества присуждали образцам, у нас наверняка уж не осталось бы неаттестованных изделий. Нет, разговор пойдет с массовой продукции.

У «КИМа» давнишняя добрая репутация. Девятая пятилетка укрепила ее. С 1972 года все, что выходит с фабрики, помечено либо

ЕГО
ИНАЕТСЯ
РАДУГА

корреспондент
«огонька»
идет
по технологической
цепочке

«...Далеко не все еще смогли до конца преодолеть отношение к производству товаров народного потребления как к чему-то второстепенному, побочному. Не все еще поняли, что это — дело огромного политического и экономического значения, непосредственно связанное с выполнением программных установок партии».

Л. И. БРЕЖНЕВ.
Из доклада на XXV съезде КПСС.

высшим, либо первым сортом. Если в 1972-м изделий со Знаком качества выпустили на 270 тысяч рублей, то в 1975-м — на три миллиона. На 1976-й намечено выпускать изделий со Знаком качества в полтора раза больше, чем в 1975-м.

Коллектив дорожит своей репутацией, не терпит самоуспокоенности. Чем лучше идут дела, тем строже, придирчивее люди оценивают свой труд. Заботы о качестве всегда были у них в числе наиважнейших. Теперь, в десятой пятилетке, после XXV съезда КПСС, тем более. Все, от директора до рядовой работницы, стараются, чтоб никто не жаловался на продукцию «КИМа». Многое такое, что мешало хорошему качеству, удалось одолеть. Но есть барьер, одолеть который фабрика никак не может: она связана узами — поставки сырья — со многими предприятиями страны. А они...

— Эти узы,— сокрушается директор фабрики Александра Дмитриевна Севастьянова,— источник бесконечных неприятностей. Не подумайте только, что я все хочу свалить на поставщиков. Мы иной раз сами попадаем под «пресс» психологии «вала» — дай план, да еще сверх плана, а качество сойдет любое, лишь бы не явный брак. А тут еще поставщики... Наша продукция начинается-то издалека. Марка на ней наша, в нас и летят стрелы покупательской критики. Нам говорят: спрашивайте с поставщиков, со смежников. Спрашиваем! Да не всегда добиваемся толку. Эластик для мужских носков, например, поступает из Бреста. Там современный чулочный комбинат. Крепкое предприятие. И тем не менее, случается, подводит. Приходится предъявлять рекламации, штрафные санкции. То по поводу качества эластика, то по поводу невыполнения наших заявок на расцветки. Больше всего мучает так называемый разнотон. На одной бобине может быть разная оттеночность,— если не обнаружишь вовремя, то полноска выйдет темнее, чем другая половина. А нередко бывает так, что выясняется это только в процессе производства. Положением о поставках не предусматривается очень важное требование: предъявлять нам образцы, чтоб мы могли что-то выбрать, а от чего-то отказаться. Мы лишены и права выбирать поставщиков — к кому прикрепят, того и люби. А что касается штрафных санкций... Фабрика в прошлом году получила сто две тысячи рублей штрафов с нарушителей экономической дисциплины. Замечу, что штрафы эти растут. В семьдесят четвертом их было 98, а в 73-м — 59,9 тысячи рублей. Но ведь это все — из государственного кармана. Если б хоть какую-то долю взимали с непосредственных виновников!..

К сказанному директором добавляет бригадир Петр Иванович Разведчиков:

— Неполадки с поставками мешают правильно организовать социалистическое соревнование. Вот недавно мы простояли три дня из-за несвоевременного поступления сырья, с темпа сбились. Наверстать наверстаем, но гонка всегда отражается на качестве. Попробуй потом претендовать на высокое место в соревновании. При подведении итогов недобросовестность смежников в расчет не берется. А мы при чем?!

...Итак, радуга, способная расцветить обыкновенные мужские носки, начинается далеко от Витебска. Нитка ведет в Брест.

ДАЮТ — БЕРИ... ИЛИ ГРУЗИ ОБРАТНО

«Акт от 18 мая 1973 года, г. Брест. Комиссия в составе начальника сырьевой лаборатории Рыжей Г. А., зам. начальника крутильного цеха Веселова А. М. и представителя Руставского завода хим. волокна Бенделиани К. Д., действующего на основании доверенности № 41 от 14.V.73 года, составила настоящий акт на нить капроновую (далее следует перечисление номенклатуры и указания веса)... и пришла к заключению, что нить капроновая «10 текс» в количестве 1054 кг и нить капроновая «15,6 текс» в количестве 58,5 кг подлежит возврату. Руставскому заводу хим. волокна согласно пункту 1.7. МРТУ 6-06-214-69 для обмена на качественную.

Подписи».

Это документ, отражающий производственные связи Брестского чулочного комбината и Руставского завода химического волокна. Один из многих ему подобных актов. А есть сводный, за несколько лет. И есть в нем такие строки:

«Брестский чулочный комбинат с IV квартала 1970 года... получает капроновую нить для производства нити «Эластик» с Руставского завода химического волокна. За эти годы почти все поставки сырья были некачественными. В 1971 году Руставскому заводу как брак было возвращено 41,5 тонны черной капроновой нити и... предъявлен штраф в сумме 28,4 тысячи рублей. В 1972 году как брак было отправлено 5,4 тонны черной капроновой нити и 24,1 тонны суровой капроновой нити из-за неравномерной толщины на коротких отрезках, смеси номеров, неравномерной вытяжки, разнотона. Штраф составил 30 тысяч рублей. В 1973 году было предъявлено 12 претензий по качеству нити. Возвращено как брак 43,6 тонны, и предъявлен штраф на сумму 23 тысячи рублей. Основные дефекты те же, что и раньше. В 1974 году предъявлено 11 претензий. Общий возврат составил 63,2 тонны, предъявлен штраф на сумму 23,2 тысячи рублей. В 1975 году предъявлено 11 претензий по качеству, возвращено как брак 46,5 тонны, переведено из I сорта во II 21,2 тонны и предъявлен штраф на сумму 22,7 тысячи рублей. В 1976 году из Рустави вызван представитель на разбраковку 9 тонн нити по разнотону, грязи, утонениям, утолщениям.

Стоимость встречных перевозок забракованной нити за 1973—1975 годы составляет 20 тысяч рублей.

О плохом качестве сырья неоднократно сообщалось руководству руставского завода «Химволокно», в «Союзглавлегпромсырье», в Министерство легкой промышленности БССР, министру химической промышленности СССР т. Костандову Л. А. Всего за 1973—1975 годы отправлено по разным адресам 19 писем.

В 1976 году основным поставщиком нити на наш комбинат является Руставский завод химволокна. Из этой нити мы должны выпускать эластик, идущий на изготовление изделий с государственным Знаком качества, выпуск которых в 1976 году возрастет в 1,5 раза. В настоящее время выпускать изделия со Знаком качества из нити Руставского завода невозможно. Идет брак из-за зебристости, полосатости и разнотона».

Документ этот подписал главный инженер Брестского чулочного комбината Л. И. Соколенко.

Вот она, цепочка: Рустави становится поперек дороги Бресту, а Брест подводит Витебск. К брестскому документу и добавить, кажется, нечего. Впрочем...

Из разговора в кабинете директора Брестского комбината Виктора Васильевича Кузьмичева:

КУЗЬМИЧЕВ. Даже химии не все чудеса под силу — из плохого капрона никак не получается хороший эластик. И если мы все же улучшаем качество своей продукции непрерывно, то за счет ужесточения требований к поставщикам и за счет, разумеется, экономических издержек,— годное, но плохое сырье в переработку не пускаем, хотя и терпим на этом убытки. Между нами и Руставским заводом сложились ненормальные отношения. То, что они нам шлют, ими аттестовано не ниже чем первым сортом. А мы у себя вынуждены все проверять и, как правило, из каждой партии какую-то часть либо бракуем, либо переводим в пониженные сорта. Поставщик соглашается: не годится — грузите обратно! А как же с первым сортом?

Г. А. РЫЖАЯ, начальник сырьевой лаборатории. Руставский капрон на высший сорт явно не тянет. Пробовали от него отказаться, ничего не вышло.

И. Д. ДЕМЬЯНЮК, начальник крутильного цеха. А как цехи страдают от некачественных поставок! В прошлом году, например, наш цех потерял более полутора процентов от общего рабочего времени (сбои в ритме, вынужденная перезаправка машин), недодал 25 тонн эластичной нити и «наработал» 10 тонн некондиционного эластика, который не включен в товарную продукцию. У нас были все основания занять высокое место в социалистическом соревновании на комбинате, но с легкой руки смежников мы эту возможность потеряли... Или еще такая неувязка. Отправляем некондиционное сырье обратно, само собой разумеется, упакованным. Но люди и средства на эту операцию не предусмотрены. Значит, снимай рабочих с других операций и плати из кармана комбината. Теряем на этом примерно пять тысяч рублей в год. Почему же все это за наш счет?

...Почему? Надо опять браться за нитку. Теперь она тянется в Рустави.

НЕ ОТКЛАДЫВАЙ НА ЗАВТРА...

Директор Руставского завода химического волокна Иван Михайлович Грдзелидзе обрушил на меня каскад так называемых объективных причин: сосед, химический комбинат, не балует высококачественным капролактамом, значит, и капрон из него какой надо не вытянешь; на заводе в основном морально устаревшее оборудование, а Министерство химической промышленности СССР нового пока не обещает; заводу постоянно не хватает рабочих, а со строительством культурно-бытовых учреждений не ладится. В общем, перед

всеми претензиями смежников был выставлен достаточно мощный заслон, и директор, облегченно вздохнув, сказал: «Ничего не поделаешь!» Так ли?

...Я спросил у руководителей завода:

— Вот недавно ваши товарищи вернулись из Бреста. Много рекламаций, много претензий к вам. Знает ли обо всем этом коллектив? Советовались ли с рабочими, что можно предпринять? Какие наметили меры?

И выясняется. Директору еще не докладывали о результатах поездки в Брест. Общественные организации тоже в неведении. А уж когда о претензиях Бреста узнают в цехах, никто и сказать точно не может.

Создается впечатление, что проблемы качества руководители решают тут в каком-то особо замедленном темпе, довольствуются тем, что продукцию завода можно подогнать под стандарт. Значит, можно и сбыть.

Я спросил у директора:

— Внедрена ли на заводе система управления качеством?

— В целом — нет, есть только отдельные ее элементы,— уклончиво ответил он.

— Почему же? На многих предприятиях эта система дает прекрасный эффект.

— Министерство медлит с утверждением штатов для формирования системы на заводе...

— А разве нельзя, хотя бы временно, обойтись за счет существующих штатов?

После недолгого раздумья Иван Михайлович ответил:

— Пожалуй, можно...

Я поинтересовался, как относятся на заводе к опыту тираспольцев, опыту, получившему широкое распространение, — соревнованию смежников. Известны благотворные результаты сквозных бригад, созданных на Тираспольской швейной фабрике. «Огонек» писал о них. Но у тов. Грдзелидзе своя точка зрения:

— Мы с двумя предприятиями-смежниками соревнуемся и результатов не ощущаем.

...Из кабинета директора—в цех. Крутильный. Внимание привлекает доска бракоделов. Списки работниц, допустивших брак. Около тридцати фамилий. За один день. Вопрос начальнику цеха тов. Джанджалия:

— Это что, ЧП или обычное явление?

— Пока обычное.

— А как же борьба за качество?

— В этом году (??) взялись. До прошлого года в цехе не было комсомольского штаба качества. Тридцать работниц (из 350!) обязались перейти на самоконтроль.

— А в прошлом, позапрошлом году?

— До нынешнего года цех редко выполнял план. Где уж тут заботиться о качестве.

...За плохие мужские носки покупатели ругают витебскую фабрику «КИМ». Покупатель не знает и не хочет знать, что цепочка от Витебска тянется к Бресту, а оттуда в Рустави. Он не знает и, возможно, не хочет знать, что, увы, еще существует разнобой в требованиях, предъявляемых к разным звеньям единой технологической цепи: Рустави «по своим» стандартам грузит в Брест капрон первым сортом, а Брест «по своим» 30 процентов отправляет обратно, в Рустави: низкое качество!

Но покупатель твердо верит в то, что десятая пятилетка обеспечит коренные сдвиги в качестве изделий легкой промышленности. Ибо есть единая для всех мера требовательности — решения XXV съезда КПСС.

Витебск—Брест—Рустави—Минск.

«МЕТЕЛИЦА» В «ОГОНЬКЕ»

В течение двух недель в адрес редакции приходили телеграммы с далекого Севера.

«Вылетаем Диксона маршрут тринадцатого».

«Челюскин. Шестнадцатого выходим маршрут, настроение бодрое».

«Находимся Солнечная прошли пролив Вилькицкого. Маршрут сложный, интересный, много торосов, воды нет, медведей не встречали. Встречаемся полярниками. Самочувствие хорошее».

«Прошли пролив Шокальского. Находимся Краснофлотских островах. Самочувствие хорошее. Идем мыс Ватутина. Погода не балует».

Все эти телеграммы были подписаны одним словом: «Метелица». Под этим названием скрывается группа отважных спортсменок, уже не раз совершавших сложные и трудные переходы по северным землям. На этот раз «Метелица» решила совершить научно-спортивный переход от мыса Челюскина до мыса Ватутина, через пролив Вилькицкого, бухту Солнечную, остров Большевик, пролив Шокальского, острова Краснофлотские, по суровым ледяным полям архипелага Северная Земля.

Команда «Метелица» попросила «Огонек» оказать ей содействие в организации этого сложного перехода. Перед тем как вылететь на Север, «Метелица» была в гостях у огоньковцев, а затем команда поддерживала связь с редакцией на всем протяжении тяжелого пути. Шесть отважных женщин стали на лыжи 16 мая и 2 июня финишировали, пройдя более 400 километров.

Возглавляла команду Г. К. Рожальская — диспетчер Челябинского металлургического завода, мастер спорта СССР международного класса, обязанности штурмана исполняла В. Д. Шацкая, метеоролог, совершившая свой двадцатый переход по Арктике, обязанности завхоза группы были возложены на М. М. Томашевскую, инженера по специальности, бесперебойную связь обеспечивала радистка Т. Н. Ревтова; с ролью кинооператора успешно справлялась инженер из Усть-Каменогорска Р. И. Диденко; врачом экспедиции была А. А. Рогова.

Вернувшись в Москву, «Метелица» снова побывала в редакции. Вместе с огоньковцами ее принимали члены бюро полярной комиссии Всесоюзного Географического Общества: К. Н. Чубаков, начальник администрации Главсевморпути; И. А. Манн, капитан дальнего плавания; Г. Е. Лазарев, доцент Горного института.

Подробный рассказ о научно-спортивной экспедиции «Метелица» будет опубликован в одном из ближайших номеров «Огонька».

Фото Б. Кузьмина

внимание — конкурс!

НЕ ТОЛЬКО «МИШКА КОСОЛАПЫЙ»...

Центральная дегустационная комиссия за работой.

Фото Б. Кузьмина

На столе — коробка с мармеладом.

— Пора начинать, — предлагает председательствующий на сегодняшнем заседании Центральной дегустационной комиссии Министерства пищевой промышленности СССР Алексей Иванович Гусаков.

И каждый — а тут представители министерств торговли, Госстандарта, Комитета цен, Госторгинспекции, Научно-исследовательского института кондитерской промышленности, других организаций — кладет себе на тарелку крохотный ломтик мармелада. (В конце дегустации я понял, как это нелегко — полтора-два часа пробовать сласти одну за другой... А сначала удивлялся: почему так мало берут?!) И началось:

— Немного кислоты надо бы добавить

— И клюквенного сока побольше, чтобы сорт «заиграл», — это говорит моя соседка по столу, представитель Росглавкондитера.

Председательствующий включается в обсуждение, просит обратить внимание и на предлагаемые названия:

— Поставьте и им оценки. Название должно давать ясное представление об изделии.

Да, и в названии дело. Оно не только совет покупателю, оно в какой-то мере оберегает сорт от снижения качества, гарантирует его стабильность. Ведь мы знаем: раз написано «Золотой ярлык», должно быть вкусно. И не перепутаешь с другим шоколадом. «Мишка косолапый» — разве это название требует дополнительной расшифровки?

Еще в 1924 году «Правда» писала о том, что Маяковский совместно с Родченко по заказу Моссельпрома выполняет «новые конфетные обертки, рисунки и агитстроки... Ибо вкус массы формируется не только, скажем, Пушкиным, но и... той же конфетной обложкой».

С тех пор конфет наизобретали явно больше, чем удачных «фантиков» и названий. Вот и сейчас идут очень нужные новинки. Название — «Кижи». Ну что ж, «Кижи» так «Кижи»... А что за этим наименованием? Какие они? Оказывается, «Кижи» — для диабетиков. Или вот торт, вкуснее не придумаешь — «Нижнекамский», «Куликово поле», «Севан» — сплошная география.

И понятна озабоченность сотрудников Министерства пищевой промышленности страны и его управления кондитерской промышленности, которые стремятся навести порядок в этом хозяйстве — порядок, удобный нам, потребителям. Именно поэтому Минпищепром СССР и «Огонек» объявляют открытый конкурс на название для новых кондитерских изделий.

— Новые названия, — говорит А. И. Гусаков, — должны давать наиболее полное представление об изделии, быть оригинальными и легко запоминающимися, а также исключать повторы и несоответствия, вызывающие справедливые нарекания потребителей...

В конкурсе могут принять участие все желающие и предложить одно или несколько названий будущих конфет, шоколада, карамели, зефира, пастилы, халвы, пряников, тортов, мармелада. Хорошо, если предложения будут сопровождаться объяснением, почему выбрано именно это название.

Авторы лучших названий получат премии.

Все предложения следует направлять в ассортиментно-методическую лабораторию Минпищепрома СССР по адресу: Москва, 121471, ул. Рябиновая, 53, с пометкой — «На конкурс». Участники конкурса должны сообщить свою фамилию, имя, отчество и домашний адрес. Последний срок присылки предложений — 30 сентября 1976 года.

Пишите! Разве не приятно будет увидеть на прилавке конфеты, имя которым дали вы?..

К. БАРЫКИН,
корреспондент «Огонька»,
член жюри конкурса

Р. Баранов. Род. 1942. ХУДОЖНИК В ПОРТУ. 1974.

Выставка произведений молодых художников. 1976 год.

Э. Свиклэ. Род. 1951. АРОНИЯ. (Черноплодная рябина). 1975.

Выставка произведений молодых художников. 1976 год.

Анатолий **ИВАНОВ**

РОМАН

КНИГА ВТОРАЯ

Рисунки П. **ПИНКИСЕВИЧА**

ВЕЧНЫЙ ЗОВ

Все утро 15 июля начальник прифронтовой опергруппы НКВД Яков Николаевич Алейников провел в краткосрочной спецшколе разведчиков-подрывников, изучая личные дела курсантов, их успеваемость. Он, сидя за скрипучим столом, перелистывал тощие папочки, время от времени хмурился, покашливал и потирал ладонью шрам на щеке. В комнатушке начальника спецшколы капитана Валентика, отгороженной от казармы, в которой жили курсанты, кирпичной стеной с обвалившейся штукатуркой, было тихо, светло, в низенькое оконце постукивали ветки давно отцветшей сирени. За сиренью стояла машина Алейникова, в маскировочных пятнах «эмка». Слышался временами раскатистый хохот его шофера Гриши Еременко.

— Эй, вы... потише там! — крикнул Алейников, открыв окно. Но тут же он окно закрыл, опять взялся за папки.

— Вот что, капитан,— сказал Алейников, задумавшись.— Через неделю мы должны этих ребят выпустить.

— Еще по программе месяц,— осторожно проговорил капитан, человек хладнокровный, по общему мнению бесстрашный, не раз ходивший в глубокий тыл врага, выполнявший там самые дерзкие диверсии. Но перед Алейниковым он почему-то всегда робел и, смотря ему в лицо, часто хлопал, как девушка, ресницами, а потом и вообще опускал вниз свои голубые глаза.

— Какой там месяц, наступление началось, какой там месяц,— проговорил Алейников все так же задумчиво.— На эту неделю никаких строевых занятий. Ориентация ночью на местности, изготовление и устройство взрывных систем... Все время этому. Понятно?

— Так точно, товарищ майор.

— Ну вот... Учи, учи, сам с кем-то из них в тыл к немцам пойдешь.

— Вот за это спасибо! — искренне обрадовался капитан.— А то у меня, пока я тут, кровь в жилах застоялась, загустела... Когда готовиться к передаче дел?

Валентику было лет около пятидесяти. Рослый, с широкими плечами, одно из которых было почему-то ниже другого, он прошелся перед столом бесшумно, как кошка, сел на стул.

— Ишь ты, нетерпеливый какой... Будет еще время разогреть кровь. А это что такое?

Разговаривая, Алейников давно косился на дивизионную газету, лежавшую на подоконнике. Край газеты свешивался, и как раз на сгибе жирно чернел заголовок «Подвиг сибиряков-гвардейцев». Но не заголовок, а два портрета, напечатанных под ним, все время цепляли внимание Алейникова.

Проговорив так, Яков, не вставая, протянул руку, взял газету. В заметке коротко, без всяких эмоций излагалась вся недавняя эпопея танкового экипажа Дедюхина, уничтожившего двенадцать вражеских машин. Заканчивалось это невыразительное повествование словами: «Геройский экипаж представлен к высоким наградам, а командир танка старший лейтенант Дедюхин к званию Героя Советского Союза (посмертно). На снимках: заряжающий рядовой И. Савельев (слева) и его племянник, механик-водитель сержант С. Савельев».

Читая заметку, Алейников двигал желваками, они перекатывались на исхудавших щеках крупными стальными горошинами, лохматые брови, сильно поредевшие за последний год-полтора, то приподнимались, то раздраженно хмурились.

— Не Лев Толстой писал, конечно,— чуть усмехнулся начальник спецшколы, по-своему расценив выражение лица Алейникова.— Но мужики действительно герои.

— Не в этом дело,— сказал Алейников.— Из какой они части, интересно?

— Газета дивизии полковника Велиханова. А из какой они части, проще простого в редакции газеты узнать.

— А где редакция?

— В штаб дивизии позвонить... Разрешите?

— Не надо...

Алейников сложил вчетверо газету, сунул в карман и встал.

— Значит, выпуск через неделю. Экзамены приеду лично принимать. И новый состав курсантов будем набирать. Все соответствующие распоряжения получишь, как положено.

— Слушаюсь.

Алейников встал и начал ходить из угла в угол комнатушки, потом снял с гвоздя фуражку, начал протирать зачем-то ее изнутри носовым платком.

— Месяц еще, говоришь, по программе? Да у нас же людей не осталось. Засылаем в тыл десятками, возвращаются единицы. Гибнут и гибнут. Почему?

— Почему? — Валентик усмехнулся, блеснул голубым пламенем глаз и сел за свой стол, где только что сидел Алейников.— Учим их плохо. Вот опять срок обучения на три недели сократили.

— Да, может, плохо. Но я все хочу спросить тебя... что это фамилия у тебя такая? Как детское имя.

Капитан приподнял обвисшее левое плечо и опустил, а правое у него осталось неподвижным.

— Батька с маткой наделили такой фамилией. И дед был Валентик и прадед... Под Коростенем всю жизнь прожили.

— Я знаю, что под Коростенем,— сказал Алейников мягко, спрятал носовой платок в карман, надел фуражку, плотно надвинув ее на лоб. Потом он пальцы обеих рук сунул за ремень, оправил гимнастерку и вдруг мгновенно выхватил пистолет из кобуры, оскалился по-звериному, прохрипел:

— Встать, с-сука!

Капитан Валентик от неожиданности всем тяжелым телом качнулся вперед, будто кто саданул его в спину бревном. Ладони его упали, как отрубленные, на стол, длинные, костлявые пальцы сжались, царапнув крышку. Глаза полыхнули, стали не голубыми, а какими-то ядовито-серыми, верхняя губа приподнялась, оголяя ровные, прямые зубы, и мелко, по-собачьему, задрожала.

Но все это продолжалось секунду-другую, потом глаза вновь стали светло-голубыми, губы растянулись в жалкую и недоуменную улыбку.

— Вы, товарищ майор, в своем уме? Что за шуточки?

— Руки! — крикнул Яков, видя, что кулаки Валентика поползли по крышке стола к ремню, на котором висела такая же, как у Алейникова, кобура с пистолетом.— Руки вверх!

Начальник спецшколы еще помедлил, потом проговорил:

— Ничего не понимаю... Да вы что, Яков Николаевич?

— Поднимай руки. И не вздумай мне! Встать — и лицом к стенке!

Капитан Валентик поднял медленно тяжелые руки, загремев опрокинутым стулом, поднялся. Алейников чуть кивнул головой, и капитан вышел из-за стола, неуклюже повернулся лицом к стенке. Алейников шагнул к нему, упер в лопатку пистолет.

— Малейшее движение — я стреляю...

Потом он вынул из его кобуры оружие и положил в свою, ощупал все карманы начальника спецшколы.

— Вон туда, в угол, иди и сядь на табуретку.

Обезоруженный капитан опустил руки, прошел, куда ему приказали. Алейников шумно и устало вздохнул, снял фуражку, бросил ее на стол. Нагнулся, поднял стул, уселся сбоку стола, не выпуская из рук пистолета.

— Ну?

— Что ну? — усмехнулся Валентик. Он сидел на табуретке, облокотившись о колени, низко опустив голову.— Вот вы и объясните... что все это значит. Какая муха вас укусила?

— Ладно,— сказал Алейников. Не спуская глаз с капитана, снова приоткрыл окно.— Королева! — И закрыл створки на ржавые шпингалеты.

— Сквозняка, что ли, боитесь? — проговорил Валентик, кисло усмехаясь.

Алейников не ответил. Последние дни он много метался по фронту, лично уточняя места перехода в тыл к немцам диверсионных групп, проверяя, как обеспечена безопасность, жестоко простудился, двое суток у него держалась высокая температура. Но за эти двое суток он почти не прилег, на третьи в какой-то деревушке пропарился хорошенько в бане, выпил стакан спирта и несколько часов, наконец, поспал. Утром температуры уже не было, душил только кашель. Он глотал от кашля таблетки, это, видимо, помогало, хотя кашель совсем не прошел до сих пор.

Вошла Олька, робко и несмело вытянулась у двери. Голова ее была обвязана косынкой, из-под которой выбивались кое-где пучки коротеньких волос. От нее резко пахло больницей.

— Говори,— сказал Алейников.

— Я видела его прошлым летом, в Лукашевке, в августе,— сказала девушка, кивнув в сторону Валентика.— Он вышел из фельдкомендатуры с тремя немцами.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 18—25.

— В августе как раз мы тебя, Валентик, посылали в тыл для диверсии.

— Он был в брезентовом дождевике с капюшоном, лица не видать... Я думаю, что это за тип такой с немцами кривоплечий, надо партизанам сообщить,— продолжала Олька ровным голосом.— Немцы и он о чем-то поговорили и пошли все вместе, я потихоньку двинулась следом. У железнодорожного переезда на краю Лукашевки все остановились. Этот откинул капюшон, они все покурили, посмеялись. Опять долго о чем-то говорили. Этот по-немецки хорошо говорит. Немцы пошли обратно, а этот... за переезд, в поле пошагал.

— Мост за Лукашевкой ему мы поручили взорвать тогда,— усмехнулся Алейников.— И он его взорвал.— Алейников еще раз скривил губы.— Мы еще радовались, как все это ловко у тебя получилось, под самым носом у немцев сумел... Правда, состав с немецкой военной техникой, который должен был пройти через минуту на Курск, почему-то задержали во Льгове. Мы тогда посчитали это досадной случайностью... Состав прошел на другой день, когда мост починили.

— Ну, а партизанам я тогда так и не успела сообщить о нем... Когда немцы пошли обратно, мне некуда было деться. Я сделала вид, что только вышла из переулка. Немцы ничего не заподозрили, волосы мои начали щупать... домой повели. Ну, а дальше... выпал как-то он у меня из памяти, забыла... Да вы знаете...

— Знаю, Оля,— сказал Алейников.

— А вчера мы за медикаментами для госпиталя в Воробьевку ездили. В этой деревушке шофер воду стал в радиатор заливать. Я из колодца поднимаю ведро, гляжу, а он идет по улице. Капитан. Одно плечо, гляжу, ниже... И в памяти у меня всплыло, вспомнила я того, в дождевике. Ну и решила вам сказать. Мало ли что, думаю...

— Ладно, Оля, иди,— сказал Алейников.— Лечись получше... Скажи шоферу, чтоб заправился. По пути я тебя в госпиталь завезу.

Девушка вышла, в комнате установилось молчание. Валентик все так же сидел, не поднимая головы, будто все, что здесь говорилось, его не касалось.

Только когда стал затихать шум отъезжающего автомобиля, он чуть скосил глаза в окно.

— Как же так неосторожно ты, Валентик? С немцами, среди бела дня, по деревне?

— Вот именно,— спокойно сказал Валентик, брезгливо поморщившись.— Если бы я был тот, кого вы во мне подозреваете, я бы не пошел с немцами по деревне среди бела дня. Тем более имея такую приметку — одно плечо ниже другого.

— Ты в самом деле немецкий язык знаешь?

— Слышите, в бога душу...— Валентик вдруг заматерился так яростно и смачно, что казалось, лопнут оконные стекла.— Да вы что, в самом-то деле? Мало ли кривоплечих? Мало ли кто там, с теми немцами, мог быть?!

— А почему ты этак не взорвался, когда Королева тут была? Боялся, что голос она узнает?

— Да потому что... потому что это черт знает что! В голове не укладывается! — Валентик встал.

— Сидеть! — Алейников приподнял пистолет.

— А-а, бросьте,— махнул рукой Валентик.— Какой-то глупой девчонке померещилось... Отправляйте, что ж, куда следует. Там разберутся.

Дальнейшее произошло в считанные мгновения. В голове Валентика, пока он сидел, опустив голову, и слушал рассказ Королевой, шла лихорадочная работа, он до последних долей секунды рассчитал все — и свои действия и реакцию Алейникова, которая должна на эти действия последовать. Он понимал одновременно, что риск был смертельный, но выхода не было. Он надеялся лишь на какой-нибудь фантастический случай, который приходит-то, может, раз за всю жизнь, но приходит иногда на помощь...

Когда Алейников, как Валентик и ожидал, предупреждающе крикнул: «Сидеть!», он, устало взмахнув ладонью, начал медленно опускаться на табуретку. В эту секунду-другую, как он опять же правильно рассчитал, Алейников, видя, что Валентик покорно садится на прежнее место, чуть расслабился и приопустил руку с пистолетом. На самом же деле Валентик и не думал садиться. Будто бы опускаясь на табуретку, он напрягал сильные мышцы ног для страшного прыжка, до того напрягал, что они заныли. И почти коснувшись задом табуретки, почувствовав, что ноги превратились в туго согнутые стальные пластины, он мгновенно разжал их, зеленой щукой нырнул вбок, головой проломил оконный переплет и вместе с осколками стекла тяжелым мешком вывалился наружу, на кусты сирени. Едва он метнулся к окну, Алейников выстрелил. Ухо и щеку обожгло — будто кипятком плеснули сбоку. «Алейников это попал или об стекло разрезал?» — промелькнуло у него в голове и пропало. Эти мысли были посторонними, не об этом ему надо думать. Понимая, что Алейников тоже ртом мух ловить не будет, он вскочил и метнулся за угол...

Фантастический случай, на который он надеялся, все же произошел. Едва Валентик завернул за угол, с противоположной стороны здания выкатился «виллис», принадлежавший спецшколе. Шофер, молоденький парнишка, увидев окровавленного начальника, резко затормозил и, одной рукой держась за баранку, другой приоткрыл дверцу, наполовину высунулся из машины.

— Товарищ капитан, что с вами?! — выкрикнул шофер, мальчишечьи его глаза от удивления были круглыми.

— Скорей... в санчасть! — первое, что пришло на ум, прокричал Валентик, подбегая. И в эту секунду взгляд шофера скользнул куда-то мимо, глаза шофера округлились еще более. Валентик безошибочно определил, что парень увидел выбежавшего из-за угла Алейникова. Машина еще катилась, замедляя ход.

— Сто-ой! — донесся хриплый возглас, воздух расколол выстрел.

Пуля просвистела где-то сбоку. Валентик был уже возле остановившейся машины, он схватил ничего не понимающего шофера за шиворот, рванул из машины, заскочил туда сам.

Алейников, стреляя на ходу, приближался. Мотор автомашины работал, парень-шофер стоял в дорожной пыли на коленях, крутил головой, глядя то на Алейникова, то на командира спецшколы. Валентик лихорадочно включил скорость, но на газ нажал плавно. Виллис тронулся и стремительно полетел вдоль затравеневшей деревенской улицы. Алейников беспорядочно стрелял вслед, пули свистели то сбоку, то сверху, одна попала куда-то в машину. «Только бы не в колесо... или не в спину мне!» — думал Валентик, сгорбившись над рулем, вздрагивая при каждом выстреле.

* * *

— Тэ-эк-с,— зловещим голосом протянул старый полковник, встал из-за стола, раздраженно захлопнул металлический колпачок на чернильнице.— Что ты, Алейников, тотчас обо всем доложил Управлению — это хорошо. Честно по крайней мере... Но что же из-за этого Валентика прикажешь с тобой делать? В трибунал? В штрафную роту? — Полковник усмехнулся.— Кстати, в зону действия вашей опергруппы как раз на днях и направлена одна из штрафных рот.

Алейников, опустив голову, молчал.

Начальник фронтового Управления «СМЕРШ», огрузневший немного, седоволосый, ходил взад-вперед мимо Алейникова, потом остановился перед ним.

— Как же это произошло, Яков Николаевич?

— Как? — Алейников вздохнул, потер шрам на щеке.— Я и стреляю прилично, с тридцати метров в копейку могу попасть. А тут словно черт за руку дергал.

— А я не о том, что ты упустил его! Это уж другой вопрос. Ты не разглядел матерого вражеского агента в своей группе!

Что было отвечать Алейникову? Да, не разглядел. Чекист с двадцатых годов, хорошие характеристики. Давно орудует в органах, и никто до сих пор не мог его разглядеть. Но так подошло, что отвечать теперь ему. А спросить могут очень строго.

Яков, неслышно вздохнув, произнес:

— Я готов нести ответственность, товарищ полковник.

— Ответственность...— Старый чекист недовольно пошевелил усами.— Сколько он наших людей погубил?! Как за это ответить? В каком размере ответ должен быть?

Голос его был сух и по-прежнему зловещ, леденил Алейникову сердце.

Потом начальник Управления долго молчал, отвернувшись. Наконец поднял голову, тем же недружелюбным голосом произнес:

— Вот я все хотел спросить: где это вам нарисовали... шрам этот?

— Это давно, товарищ полковник, в гражданскую. След от шашки царского полковника Зубова. Он был командиром карательного отряда, там у нас, в Сибири. Много он нам тогда... нашему партизанскому отряду хлопот принес. А потом мы накрыли его на одной таежной заимке...

— Ну? И, надеюсь, не упустили? — Полковник глядел на Алейникова, чуть вскинув подбородок.

— Нет... Его зарубил командир эскадрона из нашего отряда Федор Савельев.

— Кто?

— Савельев Федор Силантьевич,— повторил Алейников.— Который служит сейчас в Шестокове у немцев...

— Да, да, помню, ты докладывал об этом Федоре Савельеве, своем земляке,— с усмешкой проговорил начальник Управления. Но тут же усмешка исчезла, он нахмурился и, глядя куда-то мимо Алейникова, раздумчиво произнес:— Шестоково, Бергер, Лахновский...

— А сейчас могу доложить еще о двух Савельевых. О сыне и младшем брате этого Федора.

Полковник поднял на Алейникова вопросительный взгляд, но вместо ответа Яков вытащил из планшета дивизионную газету, взятую с подоконника в спецшколе, протянул начальнику Управления. Тот сначала надел очки, лежавшие до этого на столе, взял газету, поглядел на портреты и стал читать заметку, рассказывающую об эпопее танкового экипажа Дедюхина.

Пока он читал, Алейников пытался представить себе таинственную деревушку Шестоково, находящуюся в нескольких десятках километров юго-западнее Орла. В Орле находился центр немецкой разведки «Виддер», а в лесной деревушке Шестоково одно из многочисленных отделений «Виддера» — «Абвергруппа-101», начальником которой являлся некий капитан Бергер. Эту «Абвергруппу» охраняла так называемая «Освободительная народная армия» под командованием штандартенфюрера, то есть полковника, Лахновского. В этой «армии», насчитывающей всего около двухсот человек, во взводе охраны и служил Федор Савельев.

Обо всем этом еще весной доложил некто Метальников, перевербованный агент Бергера. Попав в немецкий плен, бывший сержант Красной Армии Метальников после специальной обработки и обучения был под видом бежавшего из концлагеря внедрен Бергером в партизанский отряд Кондратия Баландина, действующий в Орловской области. Метальников немедленно рассказал, кто он такой на самом деле, Баландин с людьми Алейникова, часто бывавшими в отряде, переправил его через линию фронта в штаб прифронтовой оперативной группы, где тот и доложил о составе «Абвергруппы-101» и «Освободительной народной армии», в том числе о Савельеве и Лахновском.

— Не может быть! — не удивился даже, а почему-то ужаснулся Алейников.— Ну-ка, все приметы каждого! Подробно.

Приметы говорили, что это именно тот Лахновский Арнольд Михайлович, за которым Алейников гонялся по лесам после гражданской, и тот Савельев Федор Силантьевич...

А потом с помощью того же Метальникова были добыты их фотографии. «Как они там оказались? Как?» — раздумывал Алейников о Лахновском и о Федоре Савельеве. Но этого он не знал до сих пор.

Прочитав до конца заметку, начальник Управления молча вернул газету, встал из-за стола и подошел к окну.

— А отца этих Савельевых — Федора и Ивана — полковник Зубов повесил,— сказал Алейников.

— За что? — повернулся от окна начальник Управления.

— Старик помог нашему партизанскому отряду укрыться в горах тогда. Показал путь в неприступную теснину.

— Вот оно как! — Полковник хотел снова сесть за стол, но не сел, а лишь снял и положил на него очки.— Ну-ка расскажите мне подробнее о всех этих Савельевых. В высшей степени это интересно... И тем временем чайку попьем.

Он нажал кнопку за креслом. Тотчас в кабинет вошел тщательно отутюженный лейтенант, подстриженный еще по-мальчишечьи, вытянулся так, что казалось, порвет у себя внутри какую-нибудь жилу. Полковник попросил, чтобы им принесли два стакана чаю, и сел, наконец, за стол.

— Ну, что же вы молчите? Говорите.

Но о чем говорить? Как рассказать начальнику Управления о сложной и запутанной истории семьи Савельевых, в которой и сам-то Алейников никогда не мог правильно разобраться? И чем дальше он молчал, тем больше терялся под взглядом полковника. Яков знал, не раз убеждался, что этот старый чекист обладает страшной, просто фантастической проницательностью. Он каким-то непостижимым образом умеет читать мысли другого человека. И вот сейчас полковник, мелькнуло у Якова, уже догадался, уже точно знает, о чем он, Алейников, думает, и немел от какого-то непонятного самому себе страха все больше.

— Что, задает задачки жизнь? — усмехнулся вдруг полковник, по-доброму, по-стариковски.

— Задает,— кивнул Алейников с облегчением.

— Да, жизнь — это как учебник алгебры. А на каждой странице десятки задач со многими неизвестными.

Вошла пожилая женщина в белом передничке — официантка столовой при Управлении, принесла чай и печенье горкой на тарелке. Аккуратно поставила перед каждым стакан и бесшумно вышла. Когда за ней закрылась дверь, Алейников, подвигая ближе к себе стакан, проговорил:

— По всем внешним признакам... на теперешнем месте Федора должен бы Иван быть, а он... Про Ивана Савельева видите, что пишут. Его и сына Федора — Семена — к ордену Ленина представили.

— Что же это за внешние признаки?

— Иван был во время гражданской в белобандитах... В наших краях тогда местный богатей Кафтанов со своим отрядом зверствовал. Вот в его отряде и служил Иван.

— Вот как! — опять произнес начальник Управления.

— Да. Потом я его лично два раза сажал.

— Гм...— Полковник отхлебнул из стакана.

— Второй раз, вероятно, напрасно. В тридцать пятом году. Как раз старший брат Федор и донес на него — коней, говорит, колхозных украл, мстит Советской власти, контра, за отсидку в тюрьме. За первую отсидку, значит...

— Что же не разобрался — украл, не украл?

— Кони действительно пропали. И Федору я поверил... Был он, я говорил, лихим рубакой, командиром эскадрона в нашем партизанском отряде.

— А теперь у немцев служит... А по внешним, как ты говоришь, признакам, не должен вроде.

— Именно что по внешним...— Алейников нахмурился, стал глядеть куда-то в сторону, забыв про чай. Потом отодвинул почти полный еще стакан, криво усмехнулся.— Правильно вы говорите: жизнь как задачник алгебры... Женился Федор на дочке этого самого Кафтанова, который бандой верховодил.

— Да? — Полковник приподнял и опустил седые брови.— Так, может быть, это обстоятельство тут как-то объясняет, что Савельев Федор сейчас...

— Нет,— резко, резче, чем положено, проговорил Алейников.— Именно это обстоятельство тут ничего не объясняет. Анна Кафтанова была тоже в нашем партизанском отряде, воевала не за страх, а за совесть. И вообще она женщина... как бы вам сказать... Она человек настоящий. Но судьба у нее... По приказу отца бандиты из его отряда тогда поймали ее. Отец повез ее лично расстреливать. Но перед этим изнасиловал...

При этих словах у полковника опять шевельнулись брови, уголки губ брезгливо опустились, в старческих глазах вспыхнул холодный свет, пронзивший, казалось, Алейникова насквозь.

— Когда отец повез ее на расправу, Иван этот... Он ее любил, видимо. Он поскакал следом, догнал где-то их. Кафтанов еще не казнил дочь... но остальному Иван помешать не успел... В общем, в схватке Иван застрелил Кафтанова, тело привез к нам в партизанский отряд. Но я... я не поверил ему. Думал, головой атамана хочет выкупить свое бандитство... В общем, хотел я его расстрелять тогда. Но Анна кинулась мне и Кружилину, командиру нашего отряда, в ноги, все рассказала... Об одном только умоляла — никому никогда

не говорить об ее позоре. Иначе, говорит, повешусь... И тогда мы просто отдали под суд Ивана...

Начальник Управления поднялся, грузно начал ходить из конца в конец своего небольшого кабинета, застеленного длинной ковровой дорожкой. За окном палило солнце, било в стекла, заливало кабинет нестерпимым светом, и полковник задернул штору.— Ну, а Федор... знает, что сделал этот Кафтанов с дочерью?

— Не думаю,— проговорил Алейников не сразу.— Он полагает, что сделал это Иван. Из-за этого у них в семье, я знаю, всю жизнь отчужденность и слезы...

Начальник Управления еще раз не спеша, обдумывая что-то, прошелся по кабинету, остановился напротив Алейникова.

— Значит, то обстоятельство, что Федор этот Савельев женат на дочери бывшего кулака и предводителя антисоветской банды, ничего не объясняет... А что же объясняет? И почему теперь ты веришь в честность Ивана Савельева?

Алейников сидел, погруженный в свои мысли, и будто не слышал вопроса.

— Не можете ответить?

— Это трудно, товарищ полковник... Вот я вспоминаю все, что знаю о них обоих... О их жизни и поведении еще до революции и после. Все их слова, поступки... голос, каким они произносили слова, выражение глаз при этом... И все это окрашивается сейчас для меня совсем другим светом, чем тогда. И я вижу: Федор чужой нам человек по духу, по внутренней сути... А Иван — свой. Эту задачку я не мог решить до сих пор. Как и многие другие... И потому я просил в свое время, как вы знаете, освободить меня из органов.

— А сейчас подтверждаете свою просьбу? — Начальник Управления сидел за столом прямой и строгий. Он не спеша протянул руку за очками, надел их и стал как-то еще холоднее, официальнее.— Валентика вот этого упустил...

— Сейчас... не подтверждаю,— тихо произнес Алейников.

Начальник Управления удовлетворенно кивнул, пододвинул к себе какие-то бумаги, начал читать их, будто забыв об Алейникове. Тот сидел, покорно ожидая своей участи, своего приговора.

Наконец начальник фронтового Управления медленно и тяжело поднял голову. Но проговорил совсем не то, чего Алейников ожидал:

— Не кажется вам, что этот Валентик мог быть агентом Бергера? Или как-то связанным с ним?

— Это... это вполне может быть,— ответил Алейников.— Но данных нет...

— Данных нет,— усмехнулся полковник.— Если бы они были, он, надо полагать, не процветал бы у нас тут столько времени.

Слова «у нас» Алейников сразу же отметил, уловил, в душе шевельнулось облегчение.

— Ты его упустил, тебе его и поймать хорошо бы.

— Я готов выполнить любое задание, товарищ полковник.

— А задание тебе будет такое, видимо... Скоро начнутся бои за Орел, и шестоковская «Абвергруппа», понятно, в связи с приближением наших войск уберется куда-то подальше, на новое место. Наша задача — не допустить этого, уничтожить ее и захватить все документы. У Бергера могут быть ценные документы, касающиеся других групп «Виддера». Как это сделать?

— Сейчас единственная возможность — с помощью партизанского отряда Баландина,— тотчас сказал Алейников.

— Это понятно. Я говорю, подумай, как это сделать, кого из чекистов возьмешь с собой в тыл... Словом, разработай весь план операции, который мы согласуем с Москвой...

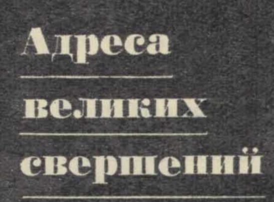
— Слушаюсь, товарищ полковник! — с откровенным теперь облегчением воскликнул Алейников.

Продолжение следует.

Лиман — колыбель трав.

ВЕРБЛЮ

Николай БЫКОВ

Фото Б. КУЗЬМИНА

И была сушь. И снова возвращалась сушь. В прошлом году, четыре года назад, и еще за три года до того, и еще... Не кара небесная, не из ряда вон случай, но бездождье как постоянно действующий природно-климатический фактор. Константа в социально-экономической формуле жизни огромного заволжского края. И если есть в стране полюс засухи, то находится он, несомненно, здесь, в Новоузенском районе левобережной Саратовщины.

До рассвета еще далеко, но боюсь, не одолею толстенного свода обследований, таблиц, удивительного издания Новоузенского уездного земства за далекий 1908 год...

Голод и недород трав заставили последнего владыку местных кочевников Дангер-хана повелеть запрудить реку Торгун, и тот первый лиман дал ханским табунам по двести пудов сена с десятины. Голод и недород 1880 года заставили правительство направить за Волгу экспедицию генерала И. Жилинского — она же и соорудила на следующий год несколько спасительных лиманов на Малом Узене. Голод и недород повторялись, сушь наваливалась с роковым постоянством: трижды за каждое десятилетие в прошлом столетии, двадцать восемь раз в нынешнем, в том числе за памятные нам пять последних лет — дважды! В 1972 и 1975 годах бездождье лютовало. Но естественная связка «голод — недород» распалась. Недород — да, но не голод. Что же произошло! Об этом дальше...

Скоро будет светать, но я не прочел и половины обстоятельных сообщений земских деятелей. Смотрю на старенькую карту. Там, где синеют прожилки заволжских рек — Торгуна, Большого Иргиза, Малого и Большого Узеней, как раз там поставлен условный знак — верблюд. Поставлен не потому, что в этих местах действительно недавно водились табуны благороднейших и ценнейших животных, а потому, что таков был у тогдашних картографов символ полупустыни. Верблюд — значит минимум осадков, необходимых для злаковых и овощных культур. Верблюд — значит земледелие так и не перешагнуло Волгу с правого берега на левый. Верблюд — значит беззащитная перед азиатскими ветрами равнина: летом обязательные циклоны, когда зной землю раскалывает, а зимой антициклоны, ртуть стынет. И почти бесполезные реки в глинистых, непромокаемых руслах, и редкие колодцы, и печаль нечастых сел, не знавших зелени садов. Верблюд — капля дождя на вес золота. Да что золото — его-то как раз немало провозили караваны через Новоузенск. Нет, каждая капля дождя — это пуд хлеба! Вот читаю: «Каждый миллиметр полезных осадков, выпавших в критический момент роста хлебов, дает в этих местах 1 (один) пуд зерна». Но в те времена здесь не собирали больше двадцати пяти — тридцати пудов ржи на богаре. Тридцать капель дождя... Полюс засухи.

Много, видно, поработали три четверти века назад натуралисты, агрономы, инженеры, хлеботорговцы, чтобы показать все «за» и «против»

Д НА КАРТЕ

Лучшее звено поливальщиков — Алла Сергеевна и Николай Михайлович Щербаковы.

экономического освоения просторнейшего края. В какие формы выльется здесь экономическое, общественное развитие? С одной стороны, Новоузенск лежит на широте благословенного Киева, на широте Вены и Парижа. А с другой — вот он, безусловный знак на старенькой карте: верблюд. Тут есть над чем задуматься.

...Директор новоузенского совхоза имени Радищева Анатолий Иванович Нечаев, по всему видно — стойк. Что-то есть в характере коренных жителей от тех поколений ссыльных старообрядцев, что не по воле своей заселяли край во времена, теперь уже отдаленные. Но Анатолий Иванович еще и агроном по образованию, а главное — по призванию. Это сказывается во всем — в манере доверительного общения, живом языке, в ходе рассуждений. В нем угадывалось нечто от истовых агрономов вроде Тулайкова, Дояренко, Николая Вавилова, нашего современника Козлова. Стойко противостояли они бедам Поволжья.

Отчего так упорны люди в поединке с природными невзгодами на стыке степи и пустыни?

Кочевников привлекал один фактор — бескрайние пространства. Земледельцев соблазняли два: солнце и хорошие почвы. Солнце и целина. Если о русском черноземе великий Докучаев сказал — «царь почв», то о темно- и светло-каштановых почвах Заволжья можно говорить с не меньшим почтением. Земли эти в годы с достаточной влагой искупали мощью своего плодородия, щедростью урожая все страдания, все долготерпение сеятелей. Когда почвы были девственны — лет сто назад,— тогда Заволжье называли житницей России. Лучшее зерно здесь получали, отсюда вывозили. Восемь, а то и десять пар волов таскали от горизонта до горизонта тяжелые сабины; твердой пшеницы брали по двадцати и более центнеров с гектара в год, если сев и всходы попадали под майские дожди, если...

Я не мог не вспомнить в кабинете Анатолия Ивановича про таблицы из главы «Осадки» пухлого тома, что издало Новоузенское земство. Легко было подсчитать, что среднее количество осадков за годы после 1899-го не превышало 263 миллиметров. А сорок лет, сорок раз с тех пор выдавались годы с меньшим количеством осадков! Сорок раз из семидесяти шести.

— И после этого вы, агроном, ратуете здесь за растениеводство, за земледелие вообще? — спросил я Анатолия Ивановича.

— За поливное! — не без упрека ответил Нечаев, и самый тон его ответа как бы с досадой напоминал мне: «Да что ты, не знаешь о Заволжской системе орошения, о Саратовском канале, о том, что Волга течет далеко-далеко в заволжскую степь, не слышал о канале Волга — Урал?» Да, да, конечно...

Совхоз имени Радищева — целинный, то есть его организовали посланцы комсомола в 1955 году, когда распахивали не только степи на Алтае, в Казахстане, но и здесь, на левом берегу. Совхоз окупил себя. Валовой продукции за двадцать лет реализовано на сумму, вдвое превышающую затраты. И орденом Трудового Красного Знамени совхоз награжден. За подвиг ведения хозяйства в труднодоступных для дождей местах, за подвиг обживания малонаселенного края. А как с экономической стороной дела, с эффективностью столь огромных усилий? Не каждый год приносит прибыль — и беда в объективных факторах, в той самой константе, с которой начат мой очерк: сушь. Не далее как в 1972 году на «Волге» можно было переехать Большой Узень, а воду распределяли во дворе райкома партии ведрами — это для людей. О полях речь не шла.

— Наш совхоз в удачный год продает сотни тысяч центнеров хлеба,— напомнил директор.— Один совхоз. На поливе? Нет, на богаре. А район в год с дождями дает хлеба столько, сколько иные области. Такими были 1956, 1963, 1969, 1974 годы. Зерно аж в степи хранили, в буртах. Ссыпать его было некуда — элеватор за неделю-две заполнился. Вот что привлекает сюда людей. Вот что такое вода вовремя. Сначала ее, талую, собирали в лиманах, гигантских степных блюдцах. Потом стали перегораживать реки и речки. Теперь степные низинки заваливают снегом в зимние месяцы, а весной в них закачивают воду из мимо текущих рек. Это один путь: удержать воду на возможно долгий срок в степи.

А недавно и сама Волга пришла сюда. Ее подняли насосы, а дальше в степь волжскую воду несет Саратовский канал. Волга течет и по водоводу и руслами Большого Иргиза, Малого и Большого Узеней. Первую воду в этих местах встречали с восторгом — кто окунался в поток с головой, кто глотал набегавшую волну, кто плескался, как чирок, кто хватал ее горстями и старался захватить побольше. Кричали «ура». Но верблюд с карты не уходил. Анатолий Иванович пояснил:

— Лучше всего воду использовать на дождевании. Однако дождевание — роскошь, оно у нас пока на овощах и на травах. Тактику подсказывают нужда и терпение. В основном поливаем люцерну. Наша тактика помогла решить часть проблем, спасти от выгорания картофель, капусту, корма для коров и овец. Зерно? Даже семян не собрали в прошлом году... Зато, повторяюсь, впервые получили до пяти-шести укосов люцерны, избавили скот от голодной зимовки. Не поверите, даже кое-кому из соседей помогли сеном!

Итак, выигран в Заволжье раунд — не первый, наверное,— сто первый после многих поражений. Пришла победа реальная — спасли дойное стадо, спасли овец от забоя. А ведь в совхозе имени Радищева четыре тысячи голов крупного рогатого скота с приплодом. Да еще сорок тысяч овец. Уму непостижимо!

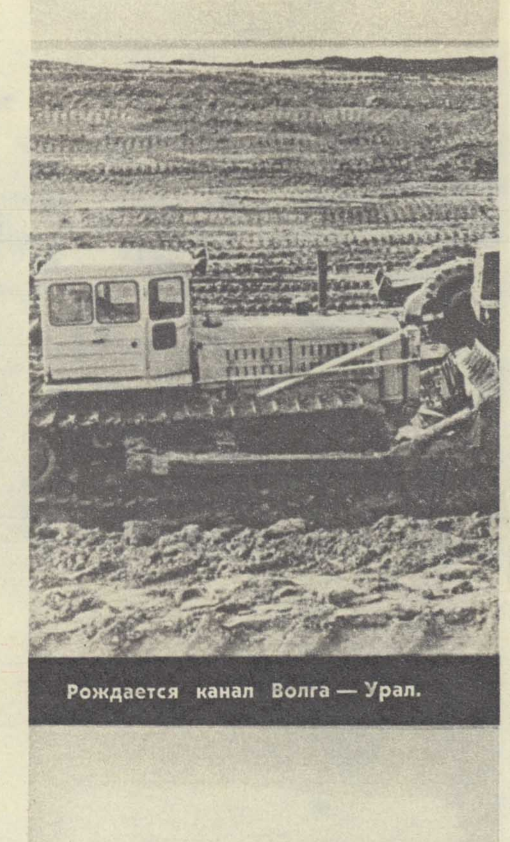
И это при наличии сорока тысяч гектаров, ежегодно, упрямо занимаемых посевами зерновых и даже... льном. Только для того, чтобы их засеять, нужны тысячи центнеров семян — пшеницы, ржи, кукурузы. А ведь в «год верблюда», то есть в год великой суши, даже этих семян не собирают...

— Это арифметика,— мягко отводил негативные подсчеты директор.— Верблюда с карты мы гоним, да еще как!..

«Вижу воду!» — хотелось в противоположность марсовому матросу счастливой каравеллы Колумба вскричать, когда мы мчали по степи за Малым Узенем. Да, я видел воду. Но то была не вода вполне возможного совхозного лимана — то был мираж, призрак воды. Призрак воды вызывал тоску и нетерпение жажды. Представилось, как невыносимо в этой степи лето... Но вот наконец-то вода!

— Мираж,— отрезал водитель.

А когда же будет вода? Я вспомнил отчет земства: «Сурова и скупа природа, но и население достойно ея. Соседство с азиатскими пустынями, дыхание песков не заглушало и не лишало способностей человека, который в противуборстве с невзгодами лишь изощряется и закаляется»... Я подумал о Нечаеве, вообще о тех, кто населяет левый заволжский берег. В минувшем году, рассказывают, кажущаяся вода, стекавшая в горячие низины, чуть не сводила с ума, а желтая, как в бреду, помоха тяжело накрыла степь на долгие месяцы. Помоха — заволжская мгла, которая днем закрывает солнце, и тогда люди и животные мечутся в непонятной тревоге. То дышит пустыня близкого Прикаспия.

Рождается канал Волга — Урал.

И вот мы приехали на люцерну. Ярко-изумрудная равнина. Там и тут шелестели дожди. Это работали дождевальные установки «Волжанки» и ажурный красавец «Фрегат». Таких гектаров под рукотворными дождями в совхозе уже почти две тысячи. Много это или мало? Мало, если помнить, что угодья хозяйства превышают пятьдесят тысяч гектаров. Много, если знать о великом соотношении 1:5. Каждый из двух тысяч поливных гектаров заменяет пять гектаров на богаре. В прошлом году мелиораторы совхоза вырастили в среднем по пятьсот—шестьсот центнеров люцерны. А кукуруза вымахала метра на три! Вот чем обернулась первая реальная победа над великой сушью.

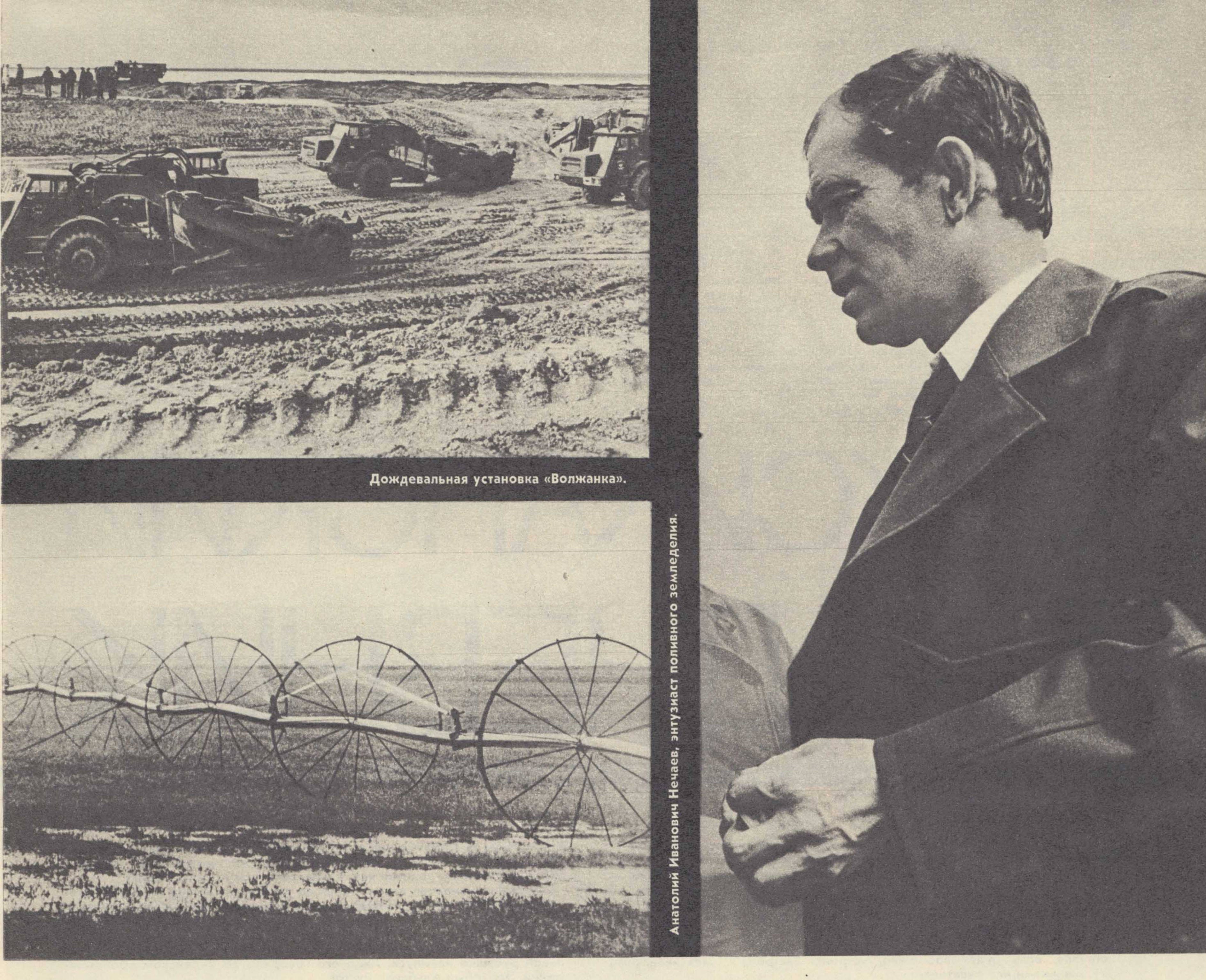
И тут, в люцерновой степи, в потрясающей тишине, для которой шелесты дождей от «Волжанок» не помеха, до меня дошло: хотя Нечаев и стопроцентный агроном, земледел, но он не фанатик-зерновик. Он растениевод в самом широком смысле этой редкой профессии. Не по должности. Он знает цену почвам левого берега. Знает, что этот клад мертв без таких вот тихих, постоянных, круглосуточных дождей. Шелестят они пока лишь над травами. В этом реальность. Лиманы — только подспорье на естественных сенокосах. Так вот, собрав дожди над травами, растениевод мощно поддерживает животноводство, избавив его от — тысячелетней! — зависимости от милостей небесных, от скудных привозных комбикормов. В совхозе имени Радищева своя индустрия кормов. Собственные зеленые гранулы — самый надежный, высокопитательный вид современного корма.

— Кормопроизводство, по существу, теперь самостоятельная отрасль хозяйства. Так у нас в совхозе. Так должно быть и в стране,— такова позиция Нечаева-агронома и Нечаева-директора.

Орошаемые зерновые, дожди «Волжанок» для твердых пшениц — это все будущее. Может быть, и не столь уж далекое. Сегодня вода на кормовых угодьях решает две задачи — стабилизация экономики, спасение животноводства. Стратегия долговременной войны с засухой выработана в Новоузенском районе еще до Нечаева-директора, в ту недавнюю пору, когда он, Нечаев, был агрономом, а совхоз возглавлял нынешний первый секретарь Новоузенского райкома партии, депутат Верховного Совета СССР, делегат XXV съезда КПСС Владимир Александрович Усин. Стратегию диктовала Волга, поднятая на высоту степного левого берега.

И был майский Пленум ЦК КПСС 1966 года.

За десять минувших лет в самом сухом углу Заволжья орошаемых земель стало раза в четыре больше. И если тогда было всего полсотни дождевалок устаревших конструкций и шесть насосных станций, то теперь в районе более ста шестидесяти установок класса «Волжанка» и почти двести насосных станций перекачивают воду Волги по руслам старых степных рек. Майский Пленум ЦК КПСС, его решения способствовали тому, что в Новоузенске отныне обосновался штаб строителей управления «Волгоуралстрой». Это огромная армия мелиораторов, среди которых только командиров в ранге ИТР более ста шестидесяти. В течение десятилетия прямого и косвенного влияния Волги на левобережные

Дождевальная установка «Волжанка».

Анатолий Иванович Нечаев, энтузиаст поливного земледелия.

поля урожайность хлебных злаков поднималась в иные годы до ста пудов! Но главное-то, кормов стали получать по району до тридцати восьми центнеров кормовых единиц с гектара, а в таких хозяйствах, как совхоз имени Радищева, вдвое больше этой средней цифры. И тем не менее Анатолий Иванович заметил: «Мы в деле орошения — первоклашки».

Волжская вода организовала поновому земледелие, заставила пересмотреть частично карту полей и качество труда на орошаемых гектарах. В Новоузенском районе на поливных землях работают, как правило, специальные звенья мелиораторов. Кормодобытчики! Каждый сам себе Илья-пророк. Хозяин внеоблачных, но затяжных (по норме!) дождей. Звенья эти часто семейные: муж и жена. Дана семье земля. Ее пашут и засевают механизаторы. Они же вносят удобрения. А поливает, выращивает зеленый урожай семья мелиораторов. Очень удобно: на поле всегда мягко, без устали дождит. Независимо от того, кончился рабочий день или не кончился. И без перерывов на обед. Или муж в поле, или жена, а то и старшие из детей. Оплата зависит от укоса, от зеленой массы урожая. Точнее, от урожая, исчисляемого в кормовых единицах, и от качества трав.

В районе более четырехсот рядовых армии зеленых дождей. Конечно, людей в степи не хватает. Но тут готовы помочь и сельские ПТУ, и школы, и члены семей, в которых хоть кто-то работает на поливе. Все готовы нести службу воды, несмотря на зной и душные азиатские ветры.

Все вроде ясно, оставалось узнать, дождутся ли рукотворных дождей пшеничные нивы. Анатолий Иванович считает, что дождутся. Уже готовится новое русло в междуречье Малого и Большого Узеней. Это часть канала Волга — Урал. Хватит ли Волги? Мне ответили: «Не хватит Волги, возьмем Вычегду или Печору». Тут серьезнейшая проблема. Откровенно говоря, уже сейчас ее, матушки Волги, не хватает. Страшно, но факт: снова не было разлива — разобрали Волгу по пути в низовья. Так куда же впадает она, Волга? Пожалуй, теперь уже и не в Каспий. По крайней мере, не вся в Каспий. Волга впадает в степное Заволжье, там зерновые ждут ее. Вместе с водой на поля идут новые сорта, новые растения. Уже сейчас совхоз высевает интересных незнакомцев, кормовых и хлебных. Совхоз готов начать с полива семенных участков зерновых, может быть, даже и в нынешней пятилетке. Свои корма, свои семена — чего же еще для начала научно обоснованного освоения полупустынного угла. Уйдет верблюд, уйдет с карты! Тем более, что селекционеры Ершовского опорного пункта десятки лет испытывают хлебные растения в условиях орошения. Озимая пшеница там дала в среднем за шестнадцать последних лет почти по сорок центнеров с гектара. Максимальные урожаи достигали пятидесяти четырех центнеров. Яровая пшеница в среднем за последние четверть века дает по сорок, а кукуруза — по шестьдесят два центнера зерна.

— Тогда и на вашем Марсе будут яблони цвести? — спрашиваю Нечаева, имея в виду и такыры и красноватый цвет почв.

— Яблони цветут! И плодоносят. Такая теперь земля...

Земля, долго-долго бывшая безработной. Земля, по которой блуждали призраки неживой воды. Это ей вынесли жестокий приговор в начале XX столетия: «...хозяйство, рассчитанное на случайно благоприятные комбинации метеорологических факторов, не может быть прочным и выгодным для Новоузенского уезда... В конце концов необходимо примириться с тем, что старые времена с исключительной культурой твердых хлебов отошли в область истории и их не вернуть».

Нынешние новоузенцы сей приговор отменили. Точнее, очень хотят отменить. Чтобы случайные комбинации природных факторов играли в жизни поля все меньшую роль. Да, все меньшую...

А тем временем и за окном рассвело. Вслед за петухами пробудились скворцы. Передо мной лежал прочитанный от корки до корки отчет Новоузенского земства. И показалось мне, что по стеклам маленькой гостиницы ударили несмелые капли дождя.

А. СОФРОНОВ

МЕКСИКАНСКИЙ ДНЕВНИК

ВСТРЕЧА В ОЧЕНЬ СТАРОМ ДОМЕ

тром, как будто откуда-то издалека, послышалось петушиное пение. Хотя вчера мы подъезжали к отелю «Камин-реал» уже в полночь, но все равно представлялось, что расположен отель в центре Мехико. Конечно, при таком резком переходе, а точней, перелете, из одного словно бы в другой мир не все запоминается, но все же и ночью нельзя было не обратить внимания на то, что отель этот первоклассный, не для бедных туристов.

Восемь лет назад, во время Олимпийских игр, журналисты так же, как, впрочем, и спортсмены, жили в будущих квартирах, в которых стояли едва застеленные койки, тумбочки, в лучшем случае — обыкновенные столы, к которым можно было приткнуться со своими писаниями. В «Камин-реале», открытом лет пять назад, все было рассчитано на то, чтобы люди более или менее состоятельные могли получить по своему желанию все, что хотели, не выходя из отеля,— теннисные корты на крыше, бассейны, кино, всяческие магазины, кафе, рестораны...

Накануне, зная, что у нас будет свободный день, я попросил встречавшего нас представителя АПН в Мексике Льва Константиновича Костаняна, если будет возможно, устроить встречу с мексиканскими художниками или писателями.

Утром Костанян появился в отеле с предложением:

— Я договорился с художниками Риной Ласо и Альберто Бустосом — они муж и жена,— что мы можем с ними сегодня встретиться в два часа дня. Позже не сумеют, так как наступает пасха, они собираются на эти дни в горы на отдых. Вы согласны?

— Конечно.

— Художники живут, по-моему, чуть ли не в самом старом доме Мехико. С этим домом, по легенде, связано одно событие. В нем жила индейская принцесса, в которую влюбился Кортес [1]. Говорят, этот дом был местом их свиданий. Принцессу мексиканцы вспоминают не слишком ласково. Выходит, что принцесса, правда, на романтической основе, была в некотором роде коллаборационисткой.

Все это Костанян говорил живо и весело, уже за рулем, увлекая нас с Вячеславом Шевченко рассказами о разных сторонах жизни Мексики и ее столицы. Я напомнил Костаняну о том, что восемь лет назад был в гостях у великого художника Мексики Давида Сикейроса в Куэрнаваке, городке, где он жил и работал. В ту пору Сикейрос заканчивал композицию, предназначавшуюся для украшения нового отеля.

— К сожалению, строительство отеля законсервировано, у владельца не хватило денег... Да мы как раз подъезжаем к нему.

Машина остановилась возле огромного, с пустыми окнами здания.

Дружески подмигнув полицейскому, запротестовавшему по поводу того, что машина была поставлена не на стоянке, Костанян сказал:

— Все в порядке. Полицейские здесь хорошие ребята,— и открыл дверь ограды.

Справа была установлена созданная Сикейросом галерея портретов революционных деятелей Мексики. В центре аллегорическим Антеем Сикейрос изобразил себя. При всей гиперболической возбудимости в искусстве — в жизни он был реалист и в земное бессмертие не верил...

Перед галереей приводил в порядок газон юноша в красной кофте. С другой стороны здания несколько мастеров устанавливали сложную конструкцию из листового железа. Похоже, что и она была делом рук Сикейроса или сделана по его эскизам.

Внизу недостроенного здания отеля была расположена выставка-продажа кустарных изделий из кости, дерева, глины, папье-маше (очень популярного в Мексике), соломы, тканых изделий — одним словом, все, в чем видна художественная душа мексиканского народа. Здесь же был расположен круглый зал, в котором ежевечерне происходят концерты самых различных жанров.

— Еще хочу показать вам одно здание. Точнее, его фасад,— снова доверительно подмигнув полицейскому, включая зажигание, сказал Костанян.

Мы подъехали к удивительно красивому, словно гигантская аппликация, зданию драматического театра.

— Работа Диего Риверы.— Костанян остановил машину.— Пожалуй, в мире нет других художников, которые бы так настойчиво стремились вынести свое искусство на обозрение больших масс людей.

Да, действительно красочный театральный фасад содержал множество сюжетов, в которых была представлена и музыка, и народный балаган, и цирк — все, что обычно показывалось еще не так давно на площадях.

...И снова машина помчалась по улицам Мехико. Уже где-то поблизости жилища художников мы проехали квартал маленьких не то лавочек, не то открытых чайных, таких же ярких, как театральный фасад,— возле них сидели, попивая чай, по-праздничному одетые люди.

— Все в ожидании пасхи. Здесь ее празднуют целую неделю. Впрочем, празднуют здесь все праздники: и религиозные и государственные. Но вот мы и приехали.— Костанян остановил машину возле деревянных ворот, врезанных в темно-багряную стену дома. На звонок открылась дверь. Перед нами стоял улыбающийся человек в трикотажной коричневой рубашке навыпуск. Лицо его говорило об индейском происхождении. Это и был Альберто Бустос.

— Прошу, прошу вас.

Мы вошли в небольшую комнату, где на стенах были развешаны гравюры и акварели. Об одной из гравюр можно было не спрашивать. Знакомое лицо Пабло Неруды смотрело на нас. Еще гравюра — печальные, мужественные люди склонились над гробом.

— Эта гравюра называется «Остановить преступления Пиночета».

— А эта картина когда сделана?— указал я на холст, написанный маслом.

Бустос мягко улыбнулся.

— Осенью семьдесят третьего года я был в Москве и хотел запечат-

Работа Давида Сикейроса «Борцы за свободу Мексики».

Одна из магистралей столицы.

В парках...

Пляж в отеле.

Смотря на прошлое...

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

Мексиканки.

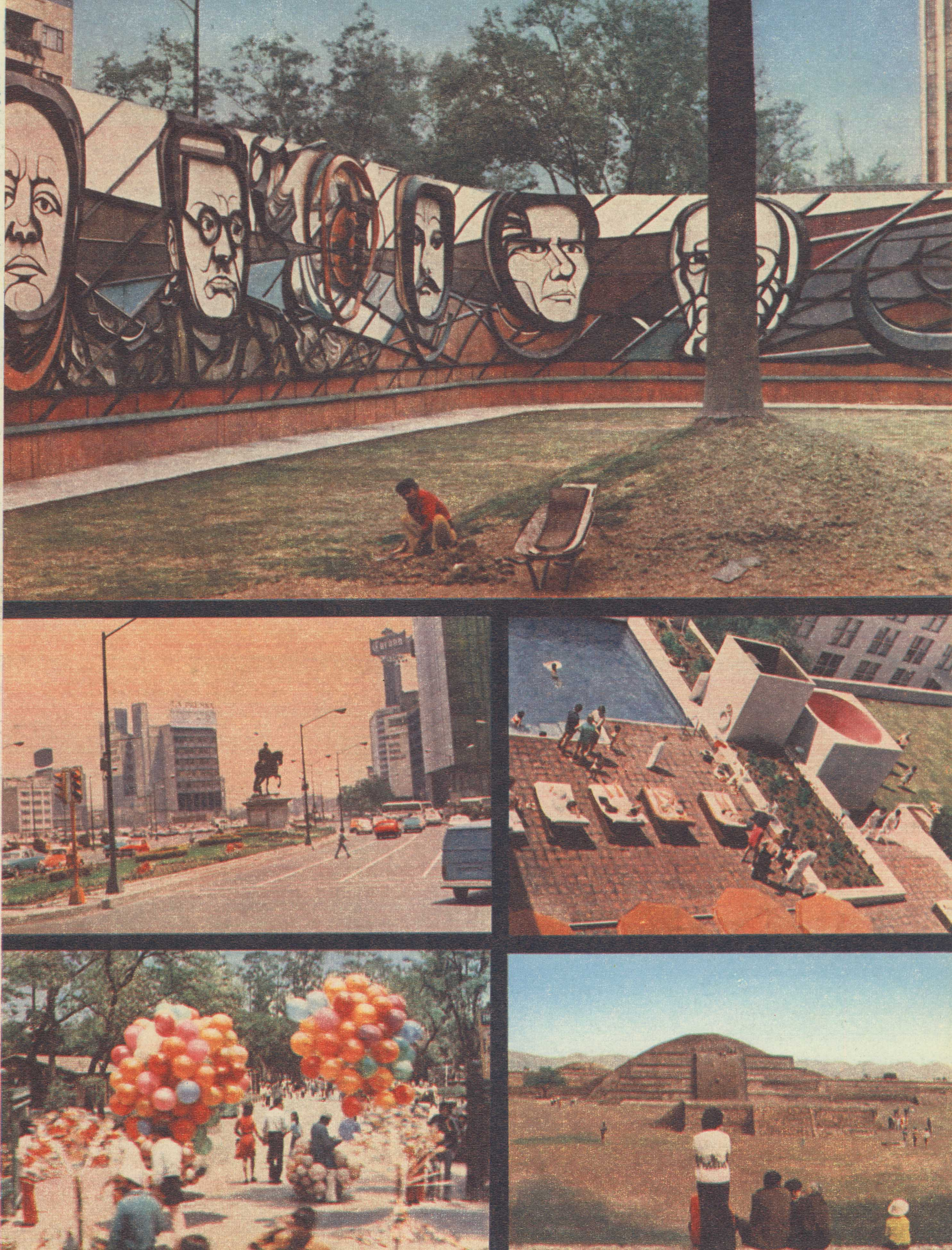
В университетском городке. Фасад работы Диего Риверы.

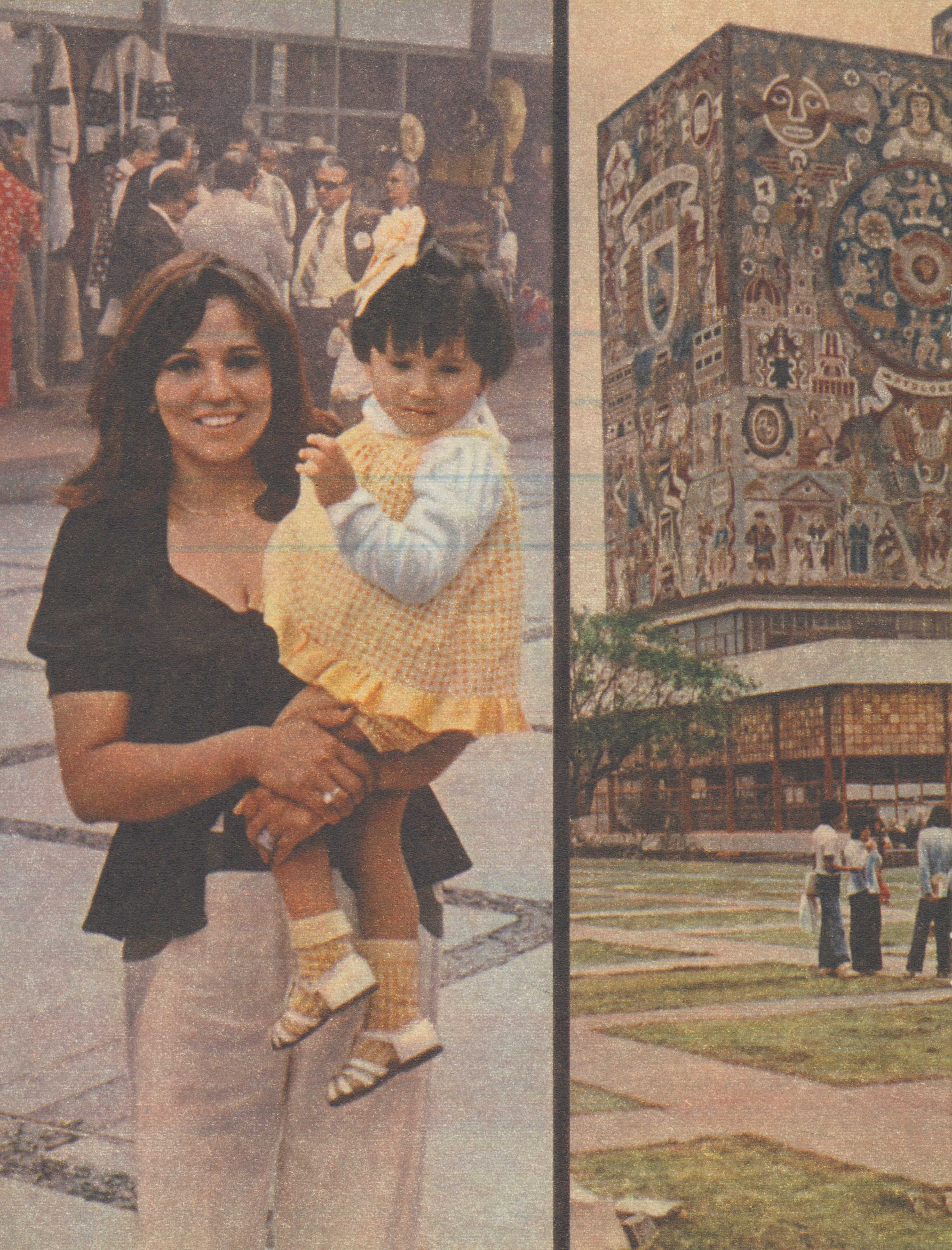
Каждый занят своим делом.

В гостях у мексиканских художников.

Продолжение. См. «Огонек» № 25.

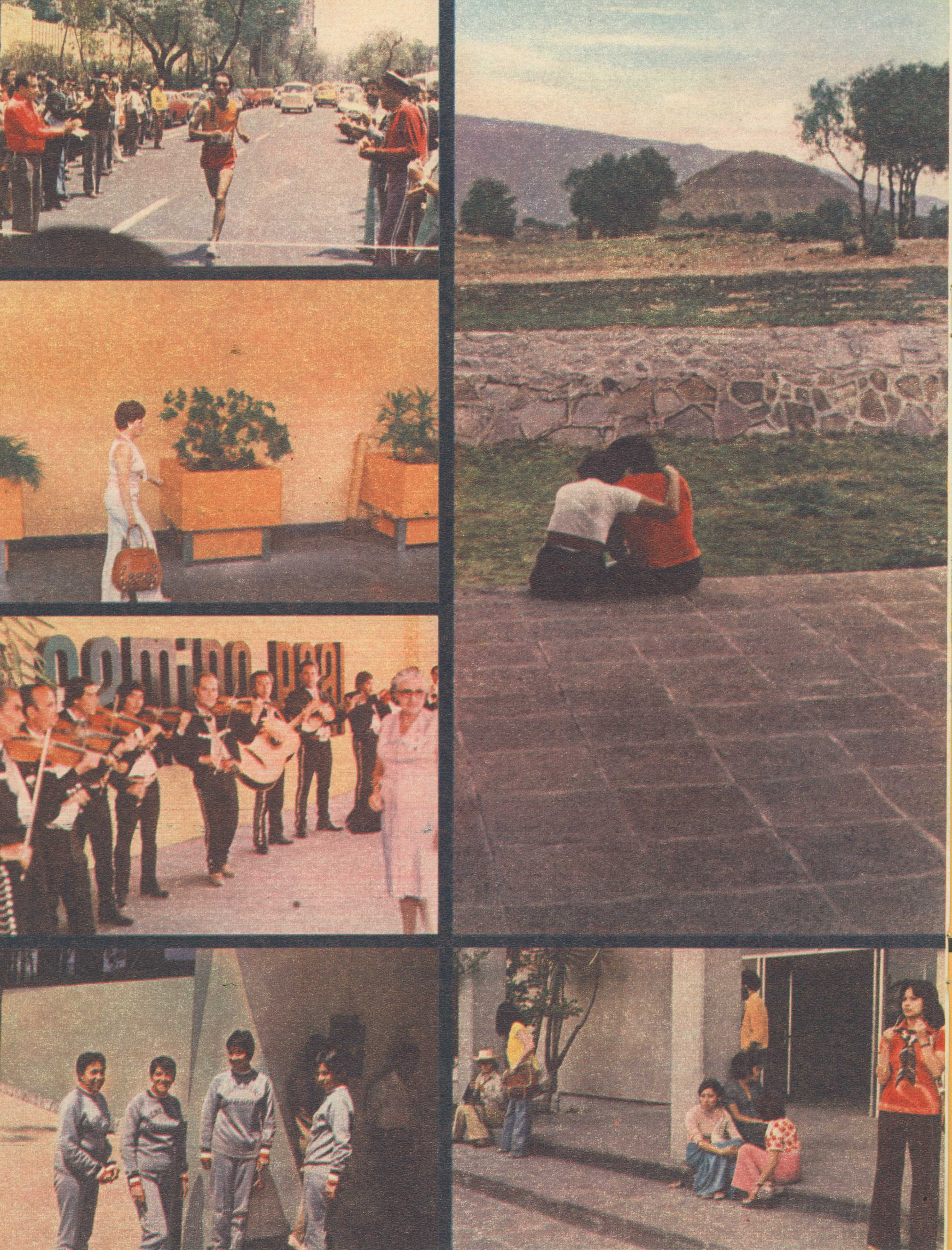
[1] Кортес Эрнан (1485—1547), испанский конкистадор. При завоевании Мексики проявил большие военные и политические способности в сочетании с крайней жестокостью и вероломством в отношении индейцев.

Carnaval, Cuaresma
y Semana Santa

леть людей, идущих вдоль кремлевской стены к Мавзолею Ленина. В этот день было очень холодно...

Одна за другой следовали гравюры, некоторые из них были близки к плакатам.

«Что ты сделал, чтобы защитить завоевания, за которые мы отдали свои жизни?» — гласила надпись на одном из них, чем-то по лаконизму и страстности напоминающему наш военный плакат «Все ли ты сделал для фронта?».

— Это работа моей жены. Рина, Рина,— позвал Бустос.

В комнату вошла стройная, красивая женщина в темно-сиреневом платье. Легкая седина была заметна в ее небрежной прическе.

— Рада вас видеть,— сказала Рина, чуть склонив голову.— Я считаю, политическая тема — первая тема для художника. Вот эта, например, работа сделана по просьбе генерала Карденаса... Вы слышали о нем?

— Еще бы!

— В нем воплощались все силы мира Латинской Америки.

— Альберто и Рина — лауреаты фестивалей молодежи в Бухаресте и Варшаве,— сказал Костанян.

— Я хочу показать вам одну из последних своих работ... Но она большая... Прошу...

У входа во двор, огороженный стеной, вдоль которой вился дикий виноград, была прислонена большая картина: с одной стороны ее был изображен парашютист с автоматом, солдаты с ножами — олицетворение сил зла, а с другой — подвешенный за ноги вниз головой, израненный человек, возле него простые женщины и мужчины разных национальностей. На первом плане с ребенком в руках мать, видимо, олицетворявшая по замыслу художника Латинскую Америку.

Мы молча стояли возле композиции.

— Империализм нападает на силы третьего мира,— тихо проговорила Рина.— Я хотела изобразить народы, страдающие от американского империализма... Вьетнам... Корея... Гватемала... Я начала писать эту картину в семидесятом году. Показала картину на своей выставке в семьдесят пятом году... Выставку открывал наш президент.

— Как он отнесся к картине?

— Долго смотрел на нее, но ничего не сказал... У посетителей выставки картина имела успех.

— Большой успех,— добавил Альберто.— Очень большой успех.

— Приглашаю вас пообедать с нами,— сказала Рина.

Мы поднялись на второй этаж, в студию. На мольберте был укреплен большой портрет Че Гевары.

— Я еще работаю над ним.— Альберто любовно приподнял холст.— Очень хочется передать мужество этого человека.

На одной из стен, под стеклом, висел легкий рисунок, сделанный тушью: голова молодой женщины. И без объяснений было видно, что это Рина Ласо.

— Это сделал Диего Ривера... Несколько лет я работала с ним.

...Мы вошли в комнату, посредине которой стоял старый, накрытый крестьянской скатертью стол, на нем — грубоватая, видимо, тоже старая, посуда. Стулья с высокими спинками были примкнуты к столу.

— У нас сегодня мексиканское меню,— сказала Рина.

Как-то сразу возник разговор о художественном оформлении Олимпийских игр в Москве.

— Думаем, неплохо было бы привлечь к этому делу и детские рисунки,— сказал Вячеслав Шевченко.

— У нас проводятся конкурсы на лучший детский рисунок. Мы периодически печатаем их у себя в журнале,— поддержал я своего товарища.

— Да, конечно, детские рисунки — это интересно... Но если откровенно говорить,— Рина с вежливой улыбкой смотрела на нас,— порой пугают эти детские рисунки, их обожествление. Они тянут к инфантилизму искусства.

— Это как же?

— Взрослые дяди говорят: «Смотри, так видят мир дети. У них нет ничего побочного. Мир и люди как есть. Прямые линии и все...»— Рина пытливо смотрела на нас.— Так и уводят вас в мир абстрактного искусства.

— А человек между тем хочет знать себя, видеть свою жизнь,— добавил горячо Альберто.— Известно, что некоторые правительства, даже прогрессивные, не желают ссориться с такими художниками.

— Такие художники устраивают империалистов. Поэтому некоторые ловкие художники впрямую рассчитывают на их помощь... Например, в Техасе.

— Почему в Техасе?

— Мне говорили,— сказала Рина.— Там устраиваются выставки, издаются роскошные каталоги, и таким образом провоцируется нездоровый интерес к этому чуждому для человека искусству.

— Вместе с тем на своих работах мы ощущаем, как все больше пробуждается интерес к политическому, патриотическому искусству,— поддержал Рину Альберто.

Так неожиданно от безобидной темы детских рисунков мы перешли к злободневной теме содержания и формы изобразительного искусства.

— А как же не видеть всего того, что происходит вокруг нас, всей человеческой жизни? Разве я могла обойтись абстракциями, когда в Гватемале произошло землетрясение? На другой день я была уже там. Родители мои живут в Гватемале. К счастью, они были живы, не пострадали. Но то, что я увидела...— Рина раскрыла альбом, где были карандашные рисунки, штрихом, чуть-чуть, а все равно перед глазами предстали страшные картины разрушения. Целые деревни. Церкви... Здесь же роды во время землетрясения...

— Это действительно надо увидеть...

— Художник обязан знать и видеть все.— Рина достала фотографию, где она была снята в брюках, сапогах, в сомбреро, с винтовкой в одной руке и застреленным олененком — в другой.— А это на юге Мексики. Там было все хорошо, только страшные скорпионы... Если наступить — мгновенная смерть. Так и ходили мы, все время смотря под ноги. Крестьяне предупреждали нас.

— А сами крестьяне?

— А они привыкли.

Помня, что Рина и Альберто на рассвете собирались выехать на пасхальный уикэнд, мы начали прощаться. Вручив мне для публикации в «Огоньке» несколько гравюр, художники вышли с нами за ворота.

Наступал тихий вечер. Синие тени ложились на каменные тротуары старого района, в котором жили удивительно молодые душой художники Рина Ласо и Альберто Бустос.

В каталоге одной из последних выставок Рины Ласо Хуан де ла Кабада писал:

«Рина Ласо родилась в Гватемале, где и начала заниматься изобразительным искусством. Еще совсем юной она получила премию по живописи, которая позволила молодой художнице продолжать образование в институте живописи и скульптуры города Мехико. Она была достойной ученицей Диего Риверы, которому помогала в работе над фресками. Имела персональные выставки в Америке и Европе. Диего Ривера говорил: «Рина Ласо — художница большого таланта. Это моя правая рука, один из моих лучших помощников». Именно тогда у Рины Ласо окреп интерес к монументальной живописи и искусству доколумбовой эпохи. Она выполнила ряд фресок в Гватемале, городе Мехико и некоторых мексиканских городах. «Фреска Рины Ласо «Четыре элемента»,— сказал Давид Сикейрос,— олицетворяет лучшие традиции в современной мексиканской живописи, ясное понимание монументальной живописи как неотъемлемого элемента пространства, понимание ее природы, эмоционального начала, реалистического восприятия действительности и ее смысла. Я считаю, что в этой фреске Рины Ласо проявляются ее лучшие творческие качества, характеризующиеся, как и в других ее работах, большой физической и моральной силой».

Что касается станковой живописи, то огромное признание завоевали ее натюрморты, выполненные живыми, сочными красками. Познакомившись с тетраптихом «Солнце — Цветок», Мартин Досаль сказал: «Рина — это вольная птица, покинувшая землю, но связанная с нею корнями. Ее мир огромен, необычен, сказочен. Из каждого небольшого сюжета она создает космическое, новые и новые миры. И каждый из них нов необыкновенно, в нем следы творческого обогащения автора. Рисуй, Рина, и пусть твои чудесные руки будут и впредь останавливать время, движение светил, отображать радость и грусть. Продолжай служить реализму, срывая с жизни ее маски! Выдумывай, пробуй!»

ЧЬЯ ЭТО РУКА?

Утром в вестибюле отеля мы встретили Фрэнка Тейлора, прилетевшего накануне вечером с основным составом европейских делегатов конгресса чартерным рейсом из Парижа. Все, кто прилетел, были и утром сонные: чувствовалась разница во времени, для тех, кто из Центральной Европы,— 7 часов, для нас — 9. Случалось в Мехико, что ко мне звонили из Москвы в половине третьего ночи и весело спрашивали: «Как самочувствие?» «Ничего». «Что такой злой голос?». «Не злой, а сонный. У нас сейчас глубокая ночь». «Да ну?! А у нас полдень». Затем разговор продолжался. Однажды, с небольшими интервалами, раздалось три таких звонка.

Сонный Тейлор весело заулыбался.

— О, Анатоль!

— Добрый день, Фрэнк. Исполком сегодня вечером?

— Да, да... В четыре часа... После обеда.

— Мы хотели бы узнать, как расценивают ваше письмо, присланное на имя Киселева.

Улыбка сошла с лица Тейлора.

— Это... это... Эрбо.

— Что Эрбо?

— Эрбо сказал, что надо такое письмо написать.

— Для чего?

— Поскольку возник вопрос...

— Где и когда?

— Эрбо считает, что нужно было...

— Кому нужно?

— Я надеюсь, все будет в порядке,— в полном смятении пробормотал Тейлор, смотря, как на спасителя, на подходившего к нам мексиканца.

— Это тот Эрбо, что в Мюнхене занимался выдачей пропусков?— спросил я Лейкина.

— Он самый... Из Бельгии. В настоящее время журналистикой не занимается. Пенсионер... По странной случайности вице-президент Международной ассоциации спортивной прессы (АИПС) с делегатскими функциями по аккредитации журналистов на крупных международных

Навстречу Олимпийским играм.

Полдень.

Мексиканская песня.

В перерыве между тренировками.

Предвечерье.

Ожидание.

соревнованиях. Недавно Тейлор и Эрбо вдвоем летали в Монреаль, Эфиопию и Аргентину...

— Значит, пенсионер?

— Да. А что?

— Свободного времени много, а денег мало.

...После обеда Фрэнк Тейлор открыл заседание Исполкома. Первые вопросы не вызвали расхождений; без особых проволочек утвердили доклады Исполкома, финансовый отчет и доклады специальных комиссий по различным видам спорта. Была поддержана просьба о приеме Национальной федерации Индии в члены АИПС. Долго обсуждали вопросы размещения и питания делегатов. Особенно усердствовал в этих вопросах Эрбо (много свободного времени). Выяснилось, что не все национальные федерации уплатили членские взносы. Было решено лишить их на время этого конгресса права решающего голоса. Председатель Федерации спортивной прессы Мексики Антонио Моро сообщил, что потерянный багаж обязательно будет найден и доставлен в номера делегатам конгресса.

— Парагвай не может уплатить взносы из-за создавшегося в стране политического положения,— сказал генеральный секретарь Бобби Найду.— Да и вообще мы не знаем, сколько должен уплатить Парагвай.

Оказалось, что никто не знал, сколько должен уплатить Парагвай.

Так и текли первые часа два, с редкими всплесками, но без осложнений. Но вот дошли до утверждения повестки дня конгресса. Слово взял Эрбо:

— Все члены Исполкома знали положение дел с аккредитацией в Инсбруке? Все? МОК потребовал, чтобы журналисты одной организации сдали документы.

...Итак, началось, подумал я, оглядывая напряженно сидящих за прямоугольным столом членов Исполкома.

— Письмо, разосланное членам Исполкома, было написано по моим документам.

...Значит, Тейлор говорил правду — инициатором послания является Эрбо (пенсионер: времени много, денег мало).

— Я считаю,— продолжал Эрбо,— что это письмо должно войти составной частью доклада президента. Я вступил в контакт с радиостанцией «Свободная Европа». Моя точка зрения — мы не можем ее игнорировать. Повторяю: письмо должно войти в доклад.

...Сижу и думаю: откуда такой императивный тон? Попросту,— откуда нахальство такое? И как же будет вести себя Тейлор?

— Я бы хотел, чтобы Тейлор занял решительную позицию в этом вопросе.

...Эрбо закончил и, сложив руки на груди, прищурившись, смотрел на остальных членов Исполкома. Все напряженно молчали. Молчал и густо покрасневший Фрэнк Тейлор.

— Если говорить честно,— прозвучал негромкий голос члена Исполкома от Франции Мориса Видаля,— я против того, чтобы открывать на конгрессе дискуссию по этому вопросу. Здесь не все сказано. Письмо было получено всеми, а ответов было всего два. Всего два?! Один из них мой. Обсуждение этого вопроса займет бесконечно много времени. Вы этого хотите, Эрбо? Вы же отлично понимаете, что вопрос касается не только спорта. Что произошло? Почему мы должны заниматься этим вопросом? Здесь никто не говорит, кто дал этим людям аккредитационную форму? Все же знают, что эта станция существует на средства США! У нас есть устав организации, в котором сказано, что журналисты аккредитируются только через национальные олимпийские комитеты. Разве мы можем аккредитовать тех, кто не является организацией прессы?— Видаль все больше нервничал, хотя и пытался сдерживаться. Видно было, что ему говорить об этом было неприятно.— Кто-то хочет использовать нашу организацию и направить ее против духа нашей хартии, возбудить в нашей организации политические раздоры? Ведь всем же ясно, профессионально,— Видаль задержался на этом слове,— п р о ф е с с и о н а л ь н о эти люди не имеют права на аккредитацию. В Мюнхене они смогли получить аккредитацию только при определенном ограничении...

...Я вспомнил: в Мюнхене аккредитацией журналистов занимался Эрбо.

— Это противоречит принципам, которые мы защищаем,— продолжал Видаль.— Если мы откроем дискуссию, мы разрушим конгресс. Мы нанесем вред нашей организации, произведем плохое впечатление на мексиканцев и вызовем беспокойство всего конгресса. Поскольку я высказывал эту же точку зрения в своем письме, то выражаю ее и здесь, четко представляя себе серьезный раскол, который может возникнуть, если нам навяжут обсуждение этого вопроса. Мы должны защищать фундаментальные позиции спорта, так как мы исповедуем их на протяжении десятилетий.

Видаль замолчал. Взоры всех присутствующих обратились к Тейлору. Что скажет президент? Но Тейлор, видимо, еще не был готов к ответу. Он обратился к члену Исполкома Штекингеру из ФРГ.

— Штекингер просил вмешаться в вопрос аккредитации.— Тейлор ждал ответа, но Штекингер молчал.

— Мне было не ясно,— продолжал Тейлор неуверенно,— какая эта пресса — справа или слева? Я спросил, как в ФРГ — могут ли они поставить печати, но они отказались. Аккредитовать может только Международный олимпийский комитет. Лорд Килланин сказал, что имеется деликатная ситуация. На мой взгляд, это дискриминация, ослабление позиций свободной прессы, нарушение ее прав, но Килланин возразил: «Почему «Свободная Европа» всегда обращается к нам? Любая радиостанция должна принадлежать какой-то стране. Так ведь можно дойти и до того, что радиостанция может появиться на каком-то корабле и начнет вести пропаганду против какой-либо страны. Мы тоже должны ее аккредитовать? Это нарушение правил, установленных для спортивной прессы»...

Тейлор говорил сбивчиво. Было непонятно: то ли он высказывал свое мнение, то ли излагал чье-то другое.

— В конце концов пусть «Свободная Европа» просит аккредитацию у олимпийского комитета США. А вообще я согласен с Морисом Видалем. Обсуждение этого вопроса заняло бы у нас целый день.

Тейлор попытался улыбнуться. Но Эрбо так просто не сдавался. Хорошо поставленным голосом он сказал:

— Мне бы хотелось проанализировать положения, высказанные Морисом Видалем. Известно, что президент не требовал ответа на свое письмо...— Дальше последовало уже известное нам. К этому можно было добавить, что Штекингер из ФРГ дал понять присутствующим, что западногерманская федерация спортивных журналистов не пожелала ввязываться в это дело. Но Эрбо все еще не сложил оружия.

— Хочу отметить,— проговорил он, все так же вибрируя голосом,— что МОК решил этот вопрос не по техническим, а по политическим вопросам. Мы боремся против дискриминации.

...Эта борьба была заметна, что называется, невооруженным глазом.

Сидевший все заседание молча представитель Японии Ц. Миякава вдруг, не попросив слова, заговорил:

— Это важный и чувствительный вопрос. Его обсуждать здесь неправильно. Мы должны считать письмо президента его частным делом.

Миякава замолчал.

— Хочу заметить, что Эрбо перепутал все вопросы,— взял слово представитель Румынии А. Нягу.— О чем мы можем здесь дискутировать? Вопрос этот уже решен МОК. Мы можем решать вопросы аккредитации только участникам нашей ассоциации.

Мнение советских делегатов сводилось к следующему: налицо стремление некоторых кругов внести раскол в работу конгресса, навязав ему дискуссию по аккредитации так называемых «журналистов» радиостанции, которая никого не представляет и ничего общего со спортивной журналистикой не имеет. Мы категорически против включения текста письма в доклад президента.

Тейлор, словно почувствовав облегчение, поставил вопрос на голосование. Из четырнадцати человек одиннадцать отвергло предложение Эрбо, трое — Тейлор, Эрбо и вежливый мексиканец Моро — от голосования воздержались.

— На этом дело не кончится,— сказал мне Лейкин, когда мы после пятичасового заседания возвращались в свои номера.

Такой увертюрой начинался — 40-й по счету, мексиканский по месту — конгресс АИПС. Сравнивая его с конгрессами в Малаге и Дублине, можно было еще в самом начале почувствовать, что силы, инспирируемые откуда-то со стороны, не остановятся ни перед чем, чтобы добиться своих целей. Пасхальная атмосфера на улицах Мехико также была пасхальной лишь на первый взгляд. Каждый день, выезжая из отеля на званые обеды и ужины, из окон автобуса мы видели напряженную жизнь Мехико. Проезжая мимо фабрик, мы видели бастующих рабочих, здесь, у стен фабрик, на кострах подогревающих себе пищу. Впрочем, и газеты сообщали о сложной социальной жизни, о борьбе трудящихся Мексики за свои права.

Так, из газеты «Овасьонес» можно было узнать о том, что недовольные крестьяне захватывают земли в Кампече:

«В некоторых районах Кампече крестьяне самовольно занимают земли латифундистов. Нередко причиной подобного конфликта является нерешенный земельный спор двадцатилетней давности.

Существуют латифундии, точные границы которых до сих пор не определены. Кроме того, действия крестьян вызваны еще и тем, что не решен вопрос в отношении многих землевладений, приобретенных незаконным путем чиновниками прежнего правительства. Прежде чем перейти к захвату земель, крестьяне обратились к властям с жалобой по поводу этих недоразумений. В ответ они лишь услышали сожаления о трудностях ликвидации недостатков землеустройства».

Газета «Эральдо де Мехико» писала, что жители деревушки Хиутепек несколько дней назад захватили здание местного муниципалитета и не собираются покинуть его до тех пор, пока Институционно-революционная партия не внесет изменения в список своих кандидатов на выборах в городской совет. «Мы не согласны с выбором партии, за которую мы голосовали,— говорят жители поселка.— Трое кандидатов ИРП никогда не интересовались жизнью нашего поселка, и никто не хочет видеть их в муниципалитете».

Крестьяне, захватившие здание муниципалитета, требуют, чтобы были избраны подлинные представители их интересов. «Все наши мэры действовали всегда в интересах своей партии, а не в интересах своих избирателей».

Газета «Эральдо де Мехико» сообщала о коррупции в большинстве университетов:

«Большинство высших учебных заведений Мексики поражены коррупцией». Таково мнение руководителя Федерации студентов в Дуранго Луиса Валеро. Существование системы организованного подкупа и взяточничества давно известно мексиканцам. Тем не менее заявление одного из лидеров молодежного движения страны привлекает большое внимание, так как коррупция, похоже, начинает проникать в еще один слой населения — в молодежь.

По словам Луиса Валеро, все большее число руководителей студенческих союзов забывают о благородных целях, высоких идеалах студенческого движения и занимаются лишь интригами, взяточничеством, постыдной борьбой за власть, деньги, положение в обществе и даже за обладание научными степенями. Влияние студенческих лидеров, опирающихся на систему коррупции, необычайно велико, проникает в самые различные области, позволяя даже оградить от судебного преследования человека, в котором заинтересован тот или иной студенческий руководитель. Однако наиболее тревожное во всем этом то, что дух стяжательства, наживы и продажности постепенно заражает всю массу студенчества.

Так сказать, морально-правовые вопросы перебрасывались и в довольно щекотливые области. Так, одна из газет сообщала о том, что

«мир был поражен, когда в 1969 году гомосексуалисты стали организовываться для борьбы с дискриминационными законами, ограничивающими их права. С тех пор эта борьба увенчалась значительными победами, вплоть до отмены в некоторых странах Америки законов против содомии. Времена изменились, появились новые критерии оценки проблемы гомосексуализма. Многочисленные североамериканские университеты заняты сейчас изучением причин социального неравенства гомосексуалистов, церкви различных вероисповеданий пересматривают свои догматы — в отношении половых извращений, а одна влиятельная североамериканская организация „Лига лесбиянок" успешно выступает на политическом поприще».

«Репортер еженедельника «Графико», осмелившийся написать об организаторах подпольной торговли лотерейными билетами в Бока-дель-Рио, избит до неузнаваемости.

Владелец бара «Лос конетерос», притона, где торгуют наркотиками, напал на журналиста Мануэля Наранхо, едва увидев его на пороге своего заведения. Ударами рукоятки пистолета бармен изуродовал лицо своей жертвы до такой степени, что пострадавшего пришлось срочно отправить в больницу. Врачи оценивают состояние Мануэля Наранхо как тяжелое.

Полицейские, бесстрастно наблюдавшие за избиением журналиста, позволили безнаказанно скрыться владельцу бара, который ранее неоднократно судился за другие преступления».

Оказывается, нелегко бывает и журналистам, попытавшимся внести свою лепту в социальное оздоровление общества.

О том, что мексиканцы — народ веселый, мы знали и раньше. На этот раз мы заметили, что одиночные шутки постепенно перерастали в массовые:

«Более тридцати арестантов и пятнадцать сотрудников первого следственного отдела «Мигель Идальго» вынуждены были спешно покинуть здание после телефонного звонка неизвестного «шутника», сообщившего о спрятанной в помещении бомбе. Сыщики и арестованные прождали взрыва ровно 12 часов, пока специалисты, обследовавшие здание, не сообщили, что телефонный звонок был лишь шуткой».

«Более семисот человек, вышедших вчера рано утром на улицы города со шлангами, ведрами и бочками воды, чтобы отметить праздник «Субботы славы», окатывая прохожих струями воды, были арестованы полицией.

Подростки и взрослые, женщины и мужчины, участники этого веселья, были доставлены в 28 полицейских участков столицы, где получили строгое внушение за нарушение общественного порядка и расточительный расход воды».

Ежегодно в Мехико устраивается религиозная церемония «Распятие Христа». Об этом нам говорили еще восемь лет назад. И в этом году происходил такой же обряд, которому газеты отдали целые развороты с большим количеством фотографий. На одном из фото можно было увидеть лежащего под большим крестом молодого человека, очень похожего на иконописного Иисуса Христа. Но он лежал на земле, что называется, всерьез. Газеты сообщали о том, что «впервые за сто лет был нарушен привычный ход традиционного религиозного представления «распятия Христа», которое устраивается каждый год во время «святой недели». Маурисио Саласар, 27-летний исполнитель роли Иисуса Христа, не выдержал тяжести огромного деревянного креста, который он должен был нести на себе во время религиозного шествия. На последнем отрезке своего пути «Иисус Христос», изнемогавший под тяжестью ноши и страдавший от жары и плохой дороги, упал в обморок и был срочно доставлен в больницу. Придя в себя, Маурисио Саласар признался, что, даже не потеряй он сознания, все равно бы не довел свою роль до конца. «Произнести слова: «Господи, прости их, ибо они не знают, что творят», — я бы не сумел», — объяснил Маурисио».

А кто знает?

Ко многим газетным сенсациям привыкаешь, находясь за рубежом. Чем кровавей, чем страшней, тем больше завлекают газеты своих читателей, тем больше зарабатывает репортер, гоняющийся, как охотничий пес, за очередной уголовной сенсацией. Ко многому привыкаешь и то порой вздрогнешь от преступлений какого-либо маньяка. Так и на этот раз невольно ахнули мы, прочтя заголовок над маленькой заметкой: «Женская нога завернута в газету и оставлена на улице».

«Полиция обнаружила на углу улиц Рикарте и Генерал Попо завернутую в газету правую ногу молодой женщины. Первым об этой находке сообщил властям некто Рубен Флорес, который, проходя по тротуару, случайно задел ботинком этот страшный сверток. Эксперты утверждают, что ампутация была произведена человеком, хорошо знакомым с анатомией, по всей видимости, хирургом. Хотя еще не удалось установить, умерла ли та женщина естественной или насильственной смертью, полиция уже приступила к поискам человека, оставившего сверток с ногой на улице».

Конечно, смешно было ожидать мгновенной разгадки этому происшествию. Да и никто из нас и не помышлял о том, что можно что-либо узнать. Мир уголовщины всегда полон неизвестного. Может быть, мексиканская полиция и дознается, кто стал жертвой этого преступления... Но, как ни странно, время от времени мы мысленно возвращались к этой страшной находке.

А однажды вдруг мелькнула и другая мысль: а рука чья? Кто направляет некоторых наших коллег по АИПС на столь настойчивые попытки так или иначе толкнуть ассоциацию на принятие решения, противоречившего всему духу мирового спорта, по уверению отцов спортивной журналистики, стоящему вне политики.

Лейкин был прав — они не успокоились.

ВСТРЕЧА В НОМЕРЕ НА ВТОРОМ ЭТАЖЕ

Уже осталось позади торжественное открытие конгресса, на котором было зачитано приветствие президента Мексики. Для нас это открытие было особенно приятным, так как состоялось вручение памятных знаков конкурса АИПС на лучшего спортсмена, спортсменку и команду. Один из них вручили нам для передачи футбольной команде киевского «Динамо», занявшей, согласно опросу, первое место. На втором месте оказались баскетболисты Югославии, на третьем — сборная СССР по хоккею с шайбой. Среди спортсменок первенствовали Корнелия Эндер (ГДР, плавание), Фаина Мельник (СССР, легкая атлетика) и Надя Команечи (Румыния, гимнастика). У мужчин были отмечены Жозе Карлос Оливейра (Бразилия, легкая атлетика), боксер Мухамед Али (США) и Джон Уокер (Новая Зеландия, легкая атлетика).

С приветственным словом от имени МОК выступил его вице-президент и президент Комиссии по печати МОК Хуан Антонио Самаранч, сказавший, что «не имеет смысла останавливаться на бесчисленных связях, которые уже почти девять десятилетий существуют между прессой и олимпийским движением. Этот союз всегда был одной из основных причин непрерывного совершенствования Олимпиад.

Нас объединяет здесь сегодня наша общая забота о гармоничном развитии спорта, потому что я не могу себе представить, что можно быть спортивным журналистом, не увлекаясь им.

Очевидно, что мы должны учитывать различие в наших спортивных этических нормах.

Что касается МОК, то выбор его идеалов был сделан еще при организации нашего комитета.

Мне хотелось бы, чтобы вы поняли нашу озабоченность дальнейшим развитием олимпийского движения и наш долг хранить преданность его высоким нравственным идеалам, юность и незыблемость которых нас объединяют».

Что ж, эти слова Самаранча нас устраивали...

Гостеприимные хозяева нашего конгресса делали все, чтобы мы узнали и увидели возможно больше в Мехико и особенно познакомились с музыкой и танцевальным искусством.

У нас появились и новые знакомые. Так, за это время мы сдружились с представителем Конго Стефаном Миленга, вице-президентом Конголезской федерации спортивных журналистов.

Как-то утром до заседания мы вышли подышать воздухом к одному из бассейнов отеля и увидели Стефана. Он сказал:

— Мы очень рады, что следующие Олимпийские игры будут в Москве. У вас, конечно, все будет по-другому. Я имею поручение нашей федерации договориться с вами о том, что мы были бы благодарны, если бы перед Олимпийскими играми в Москве можно было б провести недельный семинар наших журналистов по ознакомлению с практикой работы советских журналистов и спортсменов. Мы знаем, что в настоящее время двадцать бегунов из Эфиопии тренируются в Сухуми.

...На заседании конгресса было тепло принято выступление члена бюро оргкомитета «Олимпиада-80» Вячеслава Шевченко. В отличие от непомерно длинных, бессодержательных, поучающих выступлений Эрбо и некоторых других оно было конкретным, ясным и лаконичным, что вполне устраивало делегатов конгресса, изнывавших от болтовни «заправских» конгрессменов АИПС.

Но однажды конгресс снова оживился. Это было тогда, когда итальянский делегат Энрике Креспи задал вопрос о том, почему была нарушена система аккредитации в Инсбруке. Эрбо, почувствовав, что снова «запахло жареным», настойчиво приглашал Креспи развить выступление, но Морис Видаль и Бобби Найду внесли предложение не обсуждать этот вопрос на таком широком форуме.

Вот тут-то и случилось неожиданное. На другое утро, во время вегетарианского стандартного завтрака, в меню которого входили миниатюрные кусочки арбуза, дыни, ананаса, папайи и еще какого-то фрукта, к нам подошли Энрике Креспи и его друг итальянец Трентили и пригласили к себе в номер на встречу с делегатами из социалистических стран.

— Я хочу разъяснить свое вчерашнее короткое выступление на конгрессе,— сказал Энрике.

Вскоре мы все оказались в номере на втором этаже. Не скрою, нам было интересно, что скажет нам этот седой, подтянутый человек. Креспи начал несколько даже торжественно:

— Благодарю вас, коллеги, что вы все пришли в мою комнату. Я расцениваю это как проявление дружбы, существующей уже давно. Мы встречались в Будапеште и Польше. У меня постоянный контакт с Альбертом Лейкиным и Эдвардом Возняком. Я бывал в Советском Союзе. Такие встречи, как известно, всегда нас сближают. Конечно, у каждого есть свои проблемы. Я лично против всех выступлений и передач, которые исходят из «Свободной Европы». Месяц назад спортивные журналисты Италии решили, что они никогда не будут сотрудничать с теми, кто работает в «Свободной Европе». А те, кто сотрудничает, не имеют права выступать в итальянской прессе. Наш принцип — не ввязываться в политику. Мы признаем взаимную помощь в области технического сотрудничества. Этот конгресс должен улучшить работу нашей ассоциации, а не ухудшить. В Инсбруке был аккредитован один итальянский журналист без разрешения нашего национального комитета. Есть такие случаи, когда в некоторых странах аккредитация происходит через Союз журналистов, но без согласования со спортивной федерацией. Мы возмущены тем, что месяц назад США не дали визу одному итальянскому журналисту. Скоро пятьдесят итальянских журналистов должны ехать в США. В этом составе и наши коллеги, члены Итальянской компартии. Если им не будут даны визы, мы поставим вопрос не только перед АИПС, но и перед нашим правительством. Из всего этого вы должны понять, какими чувствами руководствовался я, когда задавал свой вопрос на конгрессе. Я думал и думаю, что через спорт можно добиться триумфа мира и дружбы. А политика должна оставаться за пределами АИПС. В Европе есть все возможности для безболезненной аккредитации тех, кто представляет свои национальные организации.— Креспи остановился и обвел всех сидящих на стульях и кроватях пытливым взглядом.— Это я и хотел сказать коллегам из социалистических стран. Если есть вопросы...

Но вопросов не было. Уже когда мы уходили, Трентили тихо сказал:

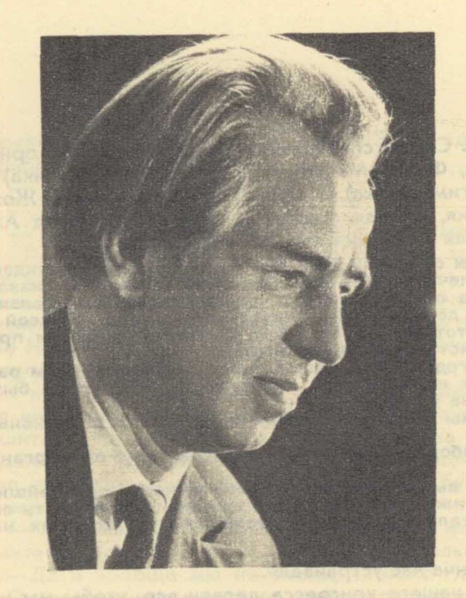
— Мы знаем, кто форсирует эти вопросы.

— Думаем, что вы не одни знаете,— сказали мы итальянскому коллеге.— Но это хорошо, что вы тоже это понимаете.

Василий **ФЕДОРОВ**

ЖЕНИТЬБА

ПОЭМА

Известный советский поэт, лауреат Государственной премии РСФСР имени М. Горького Василий Федоров работает над большой иронической поэмой «Женитьба Дон-Жуана».

Мы печатаем четвертую главу из поэмы, а полностью она будет опубликована в журнале «Молодая гвардия».

«За свободу в чувствах есть расплата,
Принимай же вызов, Дон-Жуан!»

Сергей Есенин

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Землей рожденный,
Преданный лесам,
Я с детских лет стремился к небесам,
Как к высшей правде жизни и познанья,
Где бедствуют особенной бедой,
Где плачут не обычною слезой,
А золотыми звездами страданья
Но грузом человеческих забот
Отринут был
От голубых высот.

Познавшему людские недомоги,
Что до того мне,
Как страдают боги!
За Демона не стал бы я рыдать,
Когда бы он в трагическом кошмаре
В той неземной любви к земной Тамаре
Не попытался человеком стать.
Теперь людская боль мне поневоле
Становится больнее
Личной боли.

А мой Жуан,
Друг и товарищ мой,
Был все еще в душе полугерой,
Он к человеку шел от полубога,
Свою Наташу искренне любя,
Шел смело, но до нового себя
Не дотянул совсем, совсем немного,
Когда в пути на крайнем спуске вниз
В его семье
Не стрясся катаклизм.

Давно ли он,
Нежданную, как призрак,
Наташу внес бы в донжуанский список,
Где были и звучнее имена.
В том списке на бумаге глянцеватой
Какой-нибудь, ну, скажем, сто двадцатой
Стояла бы Наташа Кузьмина.
Состав пополнив своего гарема,
Тетрадь закрыл бы —
Вот и вся проблема!

Пока я излагал
Событий суть,
Жуан уже ступал на этот путь,
Ворчал сердито:
— Замолчи!.. Не надо!..
И вновь шагал в своих былых веках
С презрительной улыбкой на губах
И молодым высокомерьем гранда,
Но я его вернул к своей эпохе:
— Где женщины плохи —
Мужчины плохи.

— А если дрянь жена? —
Спросил он гневно.
— Не торопись, она чиста душевно.
Жуан скосил свой уросливый зрак,
Цедя слова с издевкою жестокой:
— Измена с благородной подоплекой,
Так, что ли, друг мой?
— Если хочешь, так.
— Чиста душой? —
И гаркнул обалдело:
— Нет!.. Я предпочитаю чистым тело!

В чужой душе,
Как ни свети, темно.
Вот и смывай родимое пятно
Замашек буржуазно-феодальных.
Ведь многие на жен чужих глядят,
А собственных коснется, все хотят
От них поступков только идеальных.
И я спросил:
— А у тебя из ста
Была ли хоть одна во всем чиста?

Опешил он,
Не каясь в связях с ними:
— Они же были женами чужими!
— Но если в прошлом для своих любвей
Ты чистоту считал души ненужней,
Представь Наташу за другим замужней
И по привычке заново отбей,
Тогда она, полученная с бою,
Уж не тебе изменит,
А с тобою.

На этот раз
И я не без уловки
К поступкам подводил мотивировки:
— Нет, милый мой, двоить себя нельзя,
Быть может, снова, как уже когда-то,
К нам подступает век матриархата,
А мы не знаем и бушуем зря...
Жуан, заметив, что его дурачу,
Послал меня
Ко всем чертям собачьим.

Герой — потемки,
Но по резкой речи
В нем человека нам увидеть легче.
Как только начал он меня бранить,
Я сразу понял, что мой друг с разбегу
К себе вернулся, то есть к человеку,
А с человеком можно говорить.
— Сядь! —
Приказал Жуану я, готовясь
Сказать ошеломительную новость.

— Твоя беда
Была неотвратима,
Да, да, ведь сам ты породил Вадима,
Собравшего в себе твое хламье.
О, донжуанство без душевных граций —
Подлейшее из поздних генераций,
Оно теперь возмездие твое!
Как гордый человек
С открытым взором
Испытывай теперь
Себя позором!

Один и тот же грех,
Но в двух сердцах
Не одинаков на больших весах,
У каждого свой потолок и полка.
Как ни тяжка Наташина вина,
Как ни трагична, все-таки она
Лишь жертва ложно понятого долга.
С тобой ли будет,
С ним ли, наглецом,
Она того-с...
Готовься стать отцом!

Он так смотрел,
В таком холодном поте,
Как будто спрашивал:
За что же бьете?
Неясно было, что владело им,
Боязнь ли, что к былому не вернуться,
Иль первый страх, что может разминуться
С таким желанным будущим своим?
И я, чтобы облéгчить груз известий,
Заметил, уходя:
— Рождайтесь вместе!

Закрывши дверь,
Я в тот же самый миг
Услышал за собою львиный рык
И некий шум, как ураган над лесом
Так у Жуана в мозг его и грудь
Вошла психопатическая муть,
В науке называемая стрессом,
А возникает этот самый стресс,
Когда над мыслью
Чувства перевес.

А мой герой,
Как бывший соблазнитель,
Был не философ, даже не мыслитель,
Но понимал, в чем благо и в чем зло
У самолетов — надо ж догадаться! —
Чтоб те не разрушались от вибраций,
Отяжеляют каждое крыло.
А может, если посмотреть не узко,
И человеку
Легче под нагрузкой!

Сначала в нем
При взрыве безрассудства
Возобладали низменные чувства,
Но не бесплодным был тот львиный рык.
На бурных взрывах вот такого рода
Нас подвигала мудрая природа
Очеловечивать свой темный лик.
Лишь стоило мне друга крепко вызлить,
Как, пошумев в горячке,
Стал он мыслить.

И мысль пришла:
«Как, не свершая месть,
Мне сохранить достоинство и честь,
Кого судьею взять, не унижаясь?
Насчитывал когда-то до семи
Я добрых нянек у своей семьи,
Теперь же все куда-то разбежались.
Сегодня в положении таком
Помочь не сможет
Даже мой цехком.

Как наказать
Измену и обман?
Когда бы вор залез ко мне в карман,
Его б судили очно и стоглазно,
А негодяй — не-е-т, я его убью! —
Ограбил душу и любовь мою
И почему-то ходит безнаказный...»
Стихом поэта
Для острастки бестий
Жуан затосковал
О шпаге чести.

Тем временем,
Со злом войдя в мой опус,
Вадим еще догуливал свой отпуск,
Наташа у подруг его ждала,
Не сдавшись грубой материнской силе,
А Марфа Тимофевна в том же стиле
Все ту же дипломатию вела.
Вот расстановка лиц, и в ней на диво
Держался каждый
Своего мотива.

ДОН-ЖУАНА

Едой пренебрегая,
Даже сном,
Печальная Наташа пред окном
Ждала матроса, глядючи за раму,
И в том, что после горькой ночи той
Матрос не появлялся с темнотой,
Винила только собственную маму,
Наивно полагая, будто он
Был в лучших чувствах
Ею оскорблен.

Обидно зло,
Обидней во сто крат
Любовь и благородство невпопад,
Самовнушенные по школьным книгам,
Меж тем, когда читаем книги мы,
То лишь щекочем слабые умы
Мечтаньями великих о великом,
Иначе бы — Толстого прочитал,
Так сразу бы
Философом и стал.

Жизнь старше книг.
Уже через неделю
Наташе ожиданья надоели,
И та решила с долей озорства
Зайти к Вадиму, выбрав путь окольный,
Пока что на правах подруги школьной,
А не по праву тайного родства.
Оделась хоть и скромно, но прилично.
На этот раз
Она была практична.

При встрече рек
На берегу крутом
Гордеевых стоял высокий дом.
Не бредя каменными городами,
Их дом стоял еще со старины,
Когда Гордеевы и Кузьмины
Дружили семьями или д о м а м и.
С кедровыми венцами
Дом крестовый
До сей поры глядел
Почти как новый.

И берег
И река напротив дома
Наташе были с детских лет знакомы.
Не зная ни заботы, ни тоски,
Они в реке купались,
Внешне кроткой,
В гордеевской переплывали лодке
На золотые свейные пески.
Ах, детство, как ты далеко-далече!
Когда глупы мы,
Жить намного легче.

Где две реки
В одну соединились,
Там воды цветом надвое делились.
Наташе стало странно, как она
Той разницы тогда не углядела.
Река же половиной голубела,
А половиною была темна.
Душою смутной постигая что-то,
Она вошла
В тесовые ворота.

Уже в дому,
Ухоженном на диво,
Она застала только мать Вадима,
В заботе разбиравшую белье,
Та увидала гостью и запела:
— Как выросла да как похорошела! —
И принялась усаживать ее,
Украдкой пряча в уголок косынки
Две тайно
Недоплаканных слезинки.

По тем слезам
Наташе ясно стало:
И здесь ее мамаша побывала.
Жестокая в стремлении своем,
Она почти что, не почти, а точно
Сравнялась в дипломатии челночной
С заокеанским госсекретарем,
Но Тимофевны редкие задатки
Не привели
К желаемой разрядке.

И все-таки она,
Как дипломат,
Уже имела некий результат.
Ее переговоры, то есть ссоры,
Неумолимо привели к тому,
Что в этот день
В гордеевском дому
К отъезду сына начались сборы,
А сам он, пережив однажды страхи,
Сойтись с ней снова
Не нашел отваги.

«Все для меня!» —
Вадима был девиз,
Родителям же этот эгоизм
Сначала не казался трудной ношей:
«Все для него, а значит, и для нас!»
Но как и у других, им от проказ
Единоличника жилось все горше.
Родить второго не хватает сметки,
То и страдают
Семьи-однодетки.

Отец сердился,
Но хитрюга мать
Грехи сынка умела прикрывать.
Вот и теперь, колючим взглядом глядя,
Как будто бы не зная ничего,
Заговорила слезно про него,
Кивнув на фото:
— Уезжает Вадя...
Покуда рос, был и душа и плоть,
Завел жену —
Отрезанный ломоть...

На карточке,
Вниманье привлекая,
К Вадиму льнула женщина другая...
Как будто нож по сердцу полоснул,
Как будто гром по голове ударил,
Как будто молний огненные твари
Обвили грудь и задушили гул.
Забыла все, очнулась в жути дремной
На берегу,
На половине темной.

Там омут был.
Черней, чем эбонит,
Он притягал Наташу, как магнит,
Как взгляд удава свою жертву манит.

О, красота!.. Недаром говорят,
Что пожилых страдания дурнят,
А молодым их красоту чеканят.
Она была красива, несомненно,
Но красотой теперь
Уже надменной.

Ни горьких слез,
Ни жалостного вздоха.
Что скажешь ты мне, милая эпоха?
Ведь на земле все та же маета,
Хотя века над миром пролетели.
О, сколько женщин
Так же там глядели
В холодные речные омута!
Но не у всех у них, как у Наташи,
Невидимый хранитель
Был на страже.

Высокая,
Она наверняка
И на себя глядела свысока,
Чтоб умереть, собой пренебрегая,
Уже ступила на ступени дна,
Вдруг ощутила то, что не одна,
Что с ней уходит вместе жизнь другая
И эта жизнь уже,
Как выкрик с мест,
Активно выражала
Свой протест.

Есть горькое прозрение ума:
Ты жизнь у жизни не взяла сама,
А кто-то дал,
Так все, что ни случится,
Что ни придет, погибелью грозя,
Без цели жизни никому нельзя
Своею жизнью так вот поступиться,
Тем более, что мрачный водоем
Ей обнаружил,
Что она вдвоем...

Все это
О жуановой супруге
Я в Марьевке пишу, а не на юге,
На той пишу Назаркиной горе,
С которой видно, как, углы меняя,
Бывает своенравной речка Яя
В дождливой предуборочной поре.
Вчера услышал с берега стенанья,
Что утонула
Липецкая Таня.

Ах, Таня!..
Шестиклассница всего,
Жила напротив дома моего,
Мне довелось улыбкой с нею знаться,
С утра в подмогу маме, говорят,
Она пасла у берега телят,
А вечером решила искупаться.
По выходе на берег окунулась,
Нырнула вновь
И больше не вернулась.

Ах, Таня, Таня!
Мне бы жизнь воспеть,
А не твою бессмысленную смерть.
Найти ей оправданье просто негде.
Помощница, телят не допасла,
Не доучилась и не доросла
До счастья жизни и ее трагедий.
Уж лучше бы над омутом она
Стояла,
Как Наташа Кузьмина.
А у Наташи,
Повернувшей круто,
К спасению была одна минута,
Одна минута, но она была,
Чтоб заглянуть в глаза
Манившей бездны,
Чтобы подняться
На берег отвесный,
Любовью прежней выгорев дотла,
А за любовью, преданной сожженью,
Судьба сулила самоотверженье.

Кто видел смерть,
Но избежал погост,
Кто при беде душою вышел в рост,
Тот при любой из нош
Не будет гнуться,
Так и Наташа одиноко шла,
С любовью и мосты к былому жгла,
Чтоб не вернуться,
Чтоб не оглянуться
На тот крестовый дом, где у повети
На частоколе догнивали сети.

Да неужели
В этот ураган
Ни разу ей не вспомнился Жуан?
Нет, вспоминала и впадала в жалость
Но если же по совести сказать,
Ей стыдно было даже вспоминать,
А встретиться тем более боялась,
О чем Жуан узнал и что сначала
Его еще сильней ожесточало;
Как мысленно,
Переживая стресс,
Хватал он шпаги мстительный эфес;
Что думал он в часы своих терзаний,
Униженный в позоре и стыде,—
Узнал я из допросов на суде,
Из протоколов первых показаний.
Так, защищая честь своей семьи,
Не избежал он
Роковой скамьи.

Весь день
Без суеты и без помехи
Жуан сурово проработал в цехе,
Цех стал спасеньем друга моего,
Где, горю и тоске не потакая,
Железная работа заводская
На время отвлекала от всего:
То калька,
То шаблон,
То к мысли повод,
Глядишь, задаст
Какой-нибудь шпангоут.

Закончив смену,
В тягости души
Он разбирал к уходу чертежи
И чередил на новый день по плану,
Вдруг из-под них
Предвестьем новых бед
Упал незапечатанный конверт,
Коротко адресованный: «Жуану»,
А в том конверте — сложенный листок,
Имевший пять
Машинописных строк.

«!!!!» Вот так в начале,
Как ножи в замахе,
Стояли восклицательные знаки.
«Я знаю, ты не трус и не святой,
Так почему же миришься с позором?
Сегодня в десять вечера на скором
Уедет подлый оскорбитель твой.
Отмсти!!!!»
Вновь за призывом наказанья
Стояли те же знаки восклицанья.

Еще без мысли,
Но Жуана взгляд
Уже вцепился в темный циферблат.
«А кто так страждет за мои обиды?»
Перечитал записку и тогда
Узнал он без особого труда
Высоковольтный стиль Аделаиды.
О чем подумал,
Неизвестно нам,
Но только взгляд
Опять прильнул к часам.

Непостижимо!
Изумляться надо,
Что ту записку написала Ада,
Любовница, покинутая им.
Подумать, для любви и любований
Такая амплитуда колебаний!
Обидчик злой, он все же был любим,
Хоть с появленьем у него Наташи
Любим любовью
Родственницы старшей.

Как у металла,
Если он нагрет,
У истинной любви один лишь цвет,
Горячий цвет, и отклоненья редки,
Точнее — он бывает только ал,
А холодеть начнет, как и металл,
Любовь являет разные расцветки:
Малиновый сойдет на темно-синий,
А синий низойдет
До черной стыни.

Есть женщины
Душевной темноты,
А есть негодницы из доброты.
Они воображают все несчастья,
Которые на милого падут,
Чтоб оказаться рядом, тут как тут,
И проявить душевное участье.
Скажу, не трогая оттенков всех,
Была Аделаида
Не из тех.

Для выдумки любви
По-детски смелой
Была Аделаида слишком зрелой
И слишком опытной, добавлю я.
Нет, в ней любви воспоминанья жили,
А раз его, Жуана, оскорбили,
Считала оскорбленной и себя.
Не потому ли, что добро являют,
Таких добряшек
Чаще покидают.

Опасно зло,
Опасней во сто крат
Бывает благородство невпопад.
Когда бы Ада не казалась правой,
А виделась коварной, сердце в нем
Не вспыхнуло бы гибельным огнем,
Не отравилось мстительной отравой,
Теперь же от укора сам не свой
Он тотчас заспешил...
Куда?
Домой!

— Зачем домой?! —
Вы тоже удивитесь
И скажете, наверно:
— Экий витязь!
А между тем Жуан почти бежал,
Трамвай попутный на пути приметив.
Он в этот миг и сам бы не ответил,
Зачем в свою каморку поспешал.
В ней было все печально и уныло,
Пустынно было,
Одиноко было.

Сначала он ходил,
Не зная сам,
Что нужно затуманенным глазам,
О чем томился в беспредметной думе,
Но проходя в огляде все подряд,
Нечаянно остановил свой взгляд
На новомодном праздничном костюме.
И он решил,
Что в битве даже с блудней
Не подобает быть
В одежде будней.

Под цвет к нему,
Носимому не часто,
Сорочку выбрал он и выбрал галстук,
По моде крупный узел завязал,
Сменил ботинки общего топтанья,
Как будто шел к любимой на свиданье,
А не крушить Вадима на вокзал.
Хотя и новой ожидалась стычка,
Сказалась все ж
Дворянская привычка.

В костюме новом,
В галстуке на «ять»,
Лишь подчеркнувших молодость и стать,
Он чуб свой темный поднял, как забрало
Чтобы с врагом в открытую сойтись.
Жуан, постой!
Жуан, остановись!
«Тик-так, тик-так!» —
В сознанье отдавало.
То ходики тиктакали строги,
Как командора гулкие шаги.

Он знал врага,
Но знаньем прежде скрытым,
По фотографиям, к стене прибитым
На двух из них с Наташей тот сидит
Гордясь соседством
И, должно быть, млея,
Всем напряженным обликом имея,
Что ни на есть десятиклассный вид.
Сорвал, хотел их разорвать,
Но вновь
Подумал с болью:
«Этот невиновен!»

Нет, нет, не этот,
А совсем другой
Призвал Жуана к встрече роковой:
Подлец и лжец, играющий на вере,
Невинных заставляющий страдать,
Выслеживать себя,
Ревниво ждать
Под фонарями в привокзальном сквере,
К тому удобном, чтоб иметь обзор,
Но экономно узком,
Как Босфор.
Перед любой бедою,
Вплоть до драки,
Природа часто подает нам знаки,
Лишь надо быть внимательнее нам,
А мой Жуан, прямой,
Почти что фрачный,
Стоял в тени с решительностью мрачной,
А если бы взглянул по сторонам,
Прозрел бы там
В обычных голых сучьях
Переплетенья
Проволок колючих.

Но мститель,
Обратив свое лицо
На шумное трамвайное кольцо,
Не замечал пророческого знака,
Он зорко на трамваи все глядел:
Уже четвертый, пятый отзвенел,
Матроса с ними не было, однако,
В нем не слабел решительный настрой,
Тем более,
Что близился шестой.

Трамвай звенел,
Рассвеченный и быстрый,
С его дуги во тьму летели искры.
Вот завернул, и встал,
И в рельсы врос,
А из дверей, как самою победной
Из катера торпедного торпедой,
Одним из первых вылетел матрос.
Так вылететь на этот раз, наверно,
Не помогала
Марфа Тимофевна.

Жуан его
На вылете засек,
Измерил взглядом:
«Хоть и не высок,
Все ж, кажется, нахальный и здоровый».
В нем не узнал он с фото паренька,
Как не узнать зеленого дубка
Под огрубелою корой дубовой,
Но даже в свете зыбком, как неон,
В сознанье утвердилось:
Это — он.

Вадим спешил,
Не склонный к передрягам,
А тут к нему Жуан особым шагом.
Нужны, однако, крупные мазки,
Чтобы представить сразу всю картину:
Шел, голову кудрявую откинув,
Легонько нажимая на носки;
Шел напрямик пружинисто, но веско.
Как он поступит?
Он поступит дерзко.

Для встречи
Им был выбран тот момент,
Когда противник выходил на свет,
С тем, чтоб ошеломить приемом верным.
Вадим успел отставить чемодан,
Жуан к нему вплотную.
— Я — Жуан!
— И что?
— А вот что! —
И ударил первым.
Была крепка гордеевская кость,
К тому же и удар
Пришелся вскользь.

— Полундра! —
Хоть и быстрый,
Но приметный
К Жуану полетел кулак ответный.
Другой бы от него, наверно, сник,
Но от удара при таком заносе
Друг знал прием,
Используемый в боксе,
Так что противник цели не достиг.
За этой первой стычкою, однако,
И началась
Отчаянная драка.

Теперь они сцепились
Грудью в грудь,
Глаза в глаза,
Да так, что не моргнуть.
— Прощайся с жизнью,
выродок проклятый! —
Хрипел Жуан в неукротимом зле
И, изловчась, ударил по скуле,
Когда Вадим шатнулся на попятный,
Но и тому, впадающему в злость,

Ударом хитрым
Врезать удалось.

Запахло кровью —
Той, что вечно в трате,
Той алой, что всегда
За все в расплате:
За жизнь и честь,
За истину и ложь.
Сейчас она окапала нежданно
Сорочку белоснежную Жуана.
Торжествовал подлец,
А все ж, а все ж,
Как ни хитри он хитростью лукавой,
При равной силе побеждает правый.

Здесь действует,
И это не секрет,
Один психологический момент,
Известный со времен средневековья,
Когда на поединке в блеске лат
Ронял нечестный рыцарь свой булат,
Не к доброй славе
Обагренный кровью.
Ослабла сила этого момента
Лишь с поздним
Появленьем пистолета.

Как говорил Суворов,
Пуля — дура,
Ей нипочем душевная культура,
Лишь видел да стрелял бы хорошо,
Но праведность в сражениях неплохо
И в нашу огнестрельную эпоху
Выказывалась в малом и большом.
Девиз победы, если он сердечен,
Не старится в веках,
По сути, вечен.

Жуанова губа
Кровоточила,
Но это лишь его ожесточило,
Зато теперь Вадим Гордеев, в ком
Для битвы цели не было и жажды,
Свое лицо ему подставил дважды
И дважды повстречался с кулаком.
Он только зашатался, глядя тупо,
И выплюнул
Два драгоценных зуба.

Я видел
Драку злобную собак,
Я видел в ранней молодости, как
Дрались два жеребца непримиримо.
Читатель мой, не горько ли, пойми,
Такое же увидеть меж людьми!
Жуан лишь свирепел и бил Вадима,
Уже и нос ему сровнял с губой,
Но все же продолжался
Смертный бой.

Жуан не видел,
Как народ собрался,
Как кто-то разнимать их попытался,
Жуан не слышал, как по мостовой,
По улице,
По скверу
Бегом быстрым,
Подбадриваясь милицейским свистом,
Бежал, запаздывая, постовой.
Вадим уже упал с кровавой маской
И вывернутой
В сторону «салазкой».

Вадим лежал.
Жуан стоял хмельной,
До боли потрясенный тишиной.
И понял он по напряженным лицам,
По голым веткам у барьера тьмы,
Что между ним, и миром, и людьми
Уже прошла незримая граница.
И только с тем одним,
Упавшим наземь,
Еще как будто
Сохранялись связи.

Вадим лежал.
Жуан стоял над ним,
Тоской и человечностью томим:
Позор был смыт,
Но легкость от успеха
Сменилась горькой тяжестью потом,
Что наказал прохвоста, а в самом
Его же боли отдается эхо.
Такая человечность выше права,
Есть в человечности
Своя отрава.

— В чем дело? —
Вопросил порядка страж
И, охватив всей драмы антураж,
В Жуане быстро разгадал убийцу,
Но, деловитый, был хоть и безус,
Прощупывая у матроса пульс,
— Связать бандита! —
Бросил бригадмильцу,
Прислушался с гримасою кривой
И удивился:
— Кажется, живой!..

— Кто был свидетель? —
Публика молчала.
— Кто, повторяю, видел все сначала?
Опять не отозвался ни один,
Иные даже расходиться стали,
Когда же друга моего связали,
Старушка появилась из-за спин
И назвалась, лицо свое заботя:
— Пишите...
Худокормова Авдотья.

Связали друга
Лишь за то, что он
Был очень уж расхристан и страшон.
Сорочка кровянела после драки,
А красный сбитый галстук, моды крик,
Дрог на плече Жуана, как язык
От бега запалившейся собаки.
С готовностью,
Неслыханной в бандите,
Он с хрипом молвил:
— А теперь ведите!

У двух машин,
Что привлекли зевак,
На каждой виден был особый знак,
Отчетливый и по значенью четкий.
Вадима увезли из-под куста
Под знаком милосердного креста,
А друга в черном кузове с решеткой.
С ним, даже связанным,
Скажу меж делом,
Авдотья Худокормова не села.

Люблю слова.
Их смысл всегда мне нов,
Но есть среди бродячих звучных слов
Слова со смутной смысловой нагрузкой.
К примеру, лишь с намеком на исток
Уютный милицейский закуток
В народе прозывается к у т у з к о й.
И надо же!.. Эпоха созиданья,
А держатся
За старые прозванья.
В милиции,
Когда ведут опрос,
Доставкой именуется привоз,
А вот задержка значится приводом.
Все это, как заметил я потом,
В ближайшем отделении седьмом
Писалось и звалось таким же родом.
В нем, раз уж отделеньем называют,
Кого-то
От кого-то
Отделяют.
Здесь,
Если говорить про интерьер,
Уже при входе видится барьер,
Локтьми отполированный до блеска,
В той полировке — трепещи, злодей! —
Была работа и моих локтей,
О чем теперь и вспоминать-то мерзко.
Одно лишь извиняет сердца траты,
Что не всегда
Бывал я виноватым.

Не утаю,
Скажу себе в укор,
Любил я заводить застольный спор,
В азарте доходить до утверждений,
Что я родной поэзии Атлант,
Что я еще не понятый талант,
Черт побери, а может быть, и гений!
Понять все это люди не могли,
Вот почему
Сюда и волокли.

Но как-то
При моей защите бурной
Заметил мне находчивый дежурный:
— Ну, ладно, пусть поэт и пусть пророк,
Не бредили, а шли в плену наитий...
Поверю, если что-то сочините,
Чтоб доказать,
Что варит котелок.

Подумал я, закрыв лицо рукою,
И прочитал им
Горькое такое:
«Скажу,
Невзирая на лица,
Маяковский лжет:
Моя милиция
Меня не бережет!»
Дежурный — в смех,
И голосом веселым:
— Сварить сварил,
Но с явным пересолом!
Однако попросил продиктовать,
А записав стихи, пришел к итогу:
— Поэта проводить к его порогу,
А за порогом шум не поднимать...
Жаль!.. Не было дежурного того,
Когда вводили
Друга моего.

На этот раз
За горестным барьером
Порядком правил, судя по манерам,
Интеллигентный старший лейтенант,
Питомец школы позднего призыва,
Без лишних сантиментов и наива,
Аккуратист скорее, чем педант.

Непререкаемый,
Как сам закон,
Снять путы с рук распорядился он,
Направил в туалет за коридором,
Чтобы Жуан обрел нормальный вид,
Смыл кровь, и грязь, и прочий реквизит
Убийц и хулиганов, при котором
Любая человеческая святость
Могла бы впасть
В недобрую предвзятость.

И все же
В милицейском туалете
Жуан не смыл постыдные соцветья
С лица почти цыганской смуглоты.
На нем в каком-то обновленном стиле
Еще заметней пятна проступили,
Похожие на странные цветы,
Как будто вынес
Свой портрет пятнистый
Из мастерской
Мараки-модерниста.

Здесь ни к чему,
Поскольку стих не проза,
Описывать формальности опроса.
Мы через кое-что перемахнем.
О том, как вел себя он ураганно,
Жуану было слушать как-то странно,
Как будто говорили не о нем.
Но тот, другой,
Его с собой сближая,
Влезал в Жуана,
Кровью ужасая.

Еще страннее
Был ему сейчас
Свидетельницы красочный рассказ,
Как он, Жуан, припрятался за светом,
Как шел матрос и что-то тихо пел.
— А этот из кустов вдруг налетел,
Перед матросом выставился фертом,
Я, говорит, жу-жу, и туча тучей
Шипел ему в лицо,
Как змей шипучий.

И все-таки,
Как ни смешон наив,
Рассказ Авдотьи, в общем, был правдив,
Поскольку по законам алфавита
Жуан с «жу-жу» звучанием похож,
Но дальше — больше, вот уже и нож
Блеснул в руках напавшего бандита.
Нет, здесь она слегка перехлестнула:
То не был нож,
То запонка блеснула.

Зато потом
В перипетиях зла
Авдотья снова точною была,
Жуана представляя мрачно-грозным:
— Я, говорит, таких не потерплю,
Что породил, то сам же и убью...
— Так было?
— Да, но в смысле переносном.
— Ах, негодяй, какой там перенос,

ИЗ ЛАБОРАТОРИИ — В ЦЕХ

МОСКВА

БАМ в электронном воображении

Сегодня, когда часть трассы Байкало-Амурской магистрали еще существует только на листах ватмана, в одной из лабораторий Московского института инженеров железнодорожного транспорта магистраль работает уже с полной нагрузкой.

Более семи лет назад специалисты кафедры «Изыскания и проектирование железных дорог» заложили профиль дороги в память электронно-вычислительной машины «Мир-1», создав математическую модель будущей трассы.

Вот она, магистраль века, зашифрованная в бесчисленных дырочках перфоленты, бесшумно скользящей в фотосчитывающее устройство... Сейчас здесь уже наступили 90-е годы. Достигли проектной мощности промышленные комплексы, расположенные вдоль трассы. На запад мчатся составы, груженные рудой черных и цветных металлов, продуктами лесопереработки. На восток идут эшелоны с нефтью, углем, продуктами экспорта, новой техникой. С помощью ЭВМ ученые решают, как освоить непрерывно растущие перевозки, за счет каких ресурсов поднять мощность дороги.

Исследуя, например, грузопоток на участке Бам — Тында — Беркакит, где на юг пойдут тяжелые, весом до 9 тысяч тонн, поезда, а встречный поток — в основном порожняк, решено спроектировать в северном направлении более крутые подъемы, чем в южном. Это даст возможность резко сократить количество земляных работ, сэкономить эксплуатационные затраты.

Вот состав взбирается по отрогам Станового хребта. Атмосферное давление падает ниже 660 миллиметров ртутного столба. Дизели локомотива «задыхаются» от нехватки кислорода. Ослабевает сила тяги, снижается скорость. Как перебороть «горную болезнь»? Ответа на этот вопрос специалисты до сих пор не знали. С помощью расчетов на ЭВМ сотрудники кафедры впервые разработали методику тяговых расчетов с учетом атмосферных условий.

ЭВМ подсказала исследователям, что можно значительно поднять вес каждого состава по сравнению с проектным вариантом, что более чем на половине магистрали можно проложить вначале только одну колею — это даст экономию в сотни миллионов рублей.

В. КРАМОВА

МИНСК

Ткань, творящая чудеса

На длинном столе в кабинете члена-корреспондента АН БССР И. Н. Ермоленко среди книг, статей, диаграмм лежит белый пластиковый мешочек с отводной трубкой. Приспособление для переливания крови в лаборатории Института общей и неорганической химии могло бы показаться неуместным. Но достаточно познакомиться с содержимым маленького цилиндра, насаженного на трубку, и все прояснится. Кусочек ткани, уложенный в цилиндрик, химики наделили чудодейственным свойством — поглощать кальций. Кровь донора, пройдя через такой фильтр, не свертывается при длительном хранении, клетки ее долго живут. Такая кровь — живая, она питается и дышит, хорошо усваивается организмом.

Сотрудники Института общей и неорганической химии республиканской станции по переливанию крови и НИИ переливания крови Белоруссии получили медали ВДНХ. Теперь на повестке дня — серийное производство нового фильтра. Ученые видят перспективность его использования не только для сохранения крови, но и в самых разных областях.

Педиатры и специалисты детского питания подтвердили блестящие результаты применения такого фильтра для получения из обычного коровьего молока продукта, почти равноценного материнскому грудному молоку.

К. ВИКТОРОВА

СААТЛЫ

Еще шаг к центру земли

Недра земной коры уже вскрыты до глубины девять с половиной километров. Сегодня это технологический рекорд, характеризующий предел возможного. В то же время это отправной рубеж для вскрытия толщи земной коры, чтобы познать ее геологическую анатомию и открыть для человечества новые источники сырья и энергии.

К выполнению этой задачи уже приступили советские инженеры и ученые. Вблизи небольшого азербайджанского городка Саатлы, расположенного в Прикуринской низменности, буровики «Азнефти» готовятся к проходке самой глубокой в стране разведочной скважины, забой которой опустится в земную кору на 15 километров. Напомним, что за последние 36 лет рекордная глубина разведочных скважин увеличилась с 4575 до 9583 метров. Это значит, что покорение новых глубин осуществлялось со средним приращением всего каких-нибудь 140 метров в год. И вот сейчас советские буровики намерены добавить к достигнутому сразу пять с лишним километров.

По замыслу геологов саатлинская скважина вскроет близко расположенные к загадочной мантии нижние «базальтовые» слои земной коры, что позволит исследовать в научных лабораториях всю 15-километровую «колонну» горных пород, изучить природу глубинной среды, а заодно и выяснить, не происходят ли там процессы нефте- и рудообразования.

А пока в эпицентре широкой площадки, расположенной в непосредственной близости от Саатлы, закончен монтаж гигантской буровой установки. Непохожая на привычные нефтяные вышки семидесятиметровая призматическая башня, увенчанная ажурной пирамидальной надстройкой, уже маячит над устьем будущей скважины.

Каким способом и кем было воздвигнуто здесь это высотное сооружение, вес которого вместе с размещенной внутри него сложнейшей технологической оснасткой составляет около 500 тонн? Монтаж сверхвышки осуществлялся по разработанному отечественными машиностроителями методу «сверху вниз» — с помощью специального подъемника, способного перемещать крупногабаритные металлоконструкции весом до 700 тонн. Этот агрегат создан инженерами «Уралмаша». Его применение позволило настолько упростить технологию монтажа и обезопасить труд людей, что сборку вышки смогли выполнить сами буровики Саатлинской нефтеразведочной экспедиции, которые после наладки всего оборудования приступят к бурению сверхглубокой скважины.

Л. ШАДРИН

ГОРЬКИЙ

Неслышимое становится видимым

В «трудовой книжке» ультразвука немало профессий. Его неслышимый сигнал проверяет качество литья, уплотняет бетон, обрабатывает металлы, очищает от накипи системы охлаждения двигателей.

В последнее время нашлась ему работа и в медицине. Недавно в Горьковском научно-исследовательском радиофизическом институте создан ультразвуковой кардиограф, который поможет врачам изучать и лечить заболевания сердца.

Прибор работает на принципе локации. Ультразвуковой зонд прикладывается к груди больного. «Просвечивая» организм, луч собирает нужную информацию о состоянии и деятельности сердечной мышцы, клапанов. Отраженные от сердца ультразвуковые колебания преобразуются в электрические сигналы, которые после усиления воспроизводятся на экране телевизора.

Так неслышимый ультразвук становится видимым. Теперь у исследователей появилась возможность «заглянуть» внутрь живого работающего сердца.

У нового метода по сравнению с рентгеном и электрокардиографией немалые преимущества. Ультразвук позволяет наблюдать работу каждой «детали» сердца в отдельности, состояние кровеносных сосудов.

Испытания нового прибора, проведенные во Всесоюзном научно-исследовательском институте клинической и экспериментальной хирургии, показали, что он позволяет выявить в пять раз больше патологий сердца, чем удается обнаружить обычными способами.

Аппарат разработан группой горьковских ученых во главе с доктором физико-математических наук, профессором В. А. Зверевым.

С. МИХАЙЛОВ

Когда перекосил
И рот и нос!..

Красиво,
Не крючки да закорючки,
А строчкой к строчке
Шариковой ручкой
Писал дежурный уже третий лист.
Теперь к Жуану повернулся круто
И молвил с удивлением:
— Конструктор! —
Как если бы сказал кому: «Артист!»
Затем Авдотье:
— Вы рисуйте сценки,
Но не входите в личные оценки.

Тот старший лейтенант,
Скажу в упрек,
К интеллигентам был особо строг,
Как свой к своим,
Что ж, это справедливо,
И я бы поступал, наверно, так,
Но вот беда — к проступкам работяг
Он относился слишком терпеливо,
А значит, неосознанно пока
Глядел на них
Как будто свысока;

Как будто
При проступках равно тяжких
Рабочий класс нуждается в поблажках.
Нет, милый, нет, не вымышляй элит,
Для всех бери одну святую меру,
С одною мерою — одна и вера,
А потому суди, как честь велит.
Мы все, мы все за редким исключеньем
Интеллигенты
В первом поколенье.

Но лейтенант,
Напрасно я мечтал,
Моих стихов в то время не читал,
А четко шел по протокольной части.
Всех, кто сумел хоть что-то показать,
Заставил он прочесть и подписать,
Потом все в том же
Праведном бесстрастье
Повел рукой, не напрягаясь слишком,—
И вот возникла магниевая вспышка.

А вспышка та
Была тому пример,
Что и сюда внедрялся НТР,
Хотя бы для мгновенных фотографий
По ходу дела в профиль и анфас,
Чтоб выставить народу напоказ,
Коль речь пойдет о большем,
чем о штрафе.

Другою кнопкой,
Большею по чину,
Могли включить
Судейскую машину...

Жуан очнулся,
Ужаснулся он:
О, сколько в той машине шестерен!
Привыкший мыслить только конструктивно,
Мой друг, чтоб увидать без ворожбы
Простую арифметику судьбы,
Закрыл свои глаза интуитивно;
В тот закуток, уже воспетый нами,
Так и пошел
С закрытыми глазами.

Есть жизни ритм,
Любое нарушенье
В том ритме
Может привести к крушенью.
Так и случилось. Все пошло в излом,
Все покривилось в горестном зигзаге,
Все перенапряглось с клочком бумаги,
С пустым Аделаидиным письмом,
В котором та Жуана укорила...
Ах, Ада, Ада,
Что ты натворила!

В ком цели нет,
Тому и горя нет,
У человека цели больше бед.
Для дерзкого,
В ком есть свое «во имя»,
Кому начертан неизбежный путь,
С которого уже не повернуть,
Коль быть беде, она неотвратимей.
Трагедия тернового венца
И в наше время
Не для подлеца.

О. Ибрагимов. Род. 1943. РАБОЧИЕ БАМа. 1975.

Выставка произведений молодых художников. 1976 год.

Р. Музис. Род. 1944. МОРЕ ОТДЫХАЕТ. 1974.

Выставка произведений молодых художников. 1976 год.

Ст. ЛЕСНЕВСКИЙ

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

ПАВЕЛ АНТОКОЛЬСКИЙ

Шахматово. На поляне, окаймленной лесом, стихи, посвященные Александру Блоку читает Павел Антокольский. Вот уже несколько лет в одно из первых воскресений августа он открывает здесь праздник поэзии.

Далеко над шахматовскими просторами разносятся строки:

В будущем — с нами старый товарищ.
Старый?— Нет, его не состаришь.
Юность осталась, какой была,
Окрылена, мятежна, светла.

Юности вечной —
Пусть быстротечной —
Слава, честь и хвала!

Именно Блок утверждал такое «отношение к жизни». Он считал его «следствием глубокого перелома, совершившегося в душе, которая помолодела, взглянула на мир по-новому, потряслась связью с ним, прониклась трепетом, тревогой, тайным жаром, чувством неизведанной дали, захлестнулась восторгом...» Этот восторг, по Блоку, есть «жадное стремление жить удесятеренной жизнью; стремление создать такую жизнь». Слова произнесены в 1919 году, они овеяны дыханием Великого Октября. Под знаком того стремления начинало свой путь поколение молодых поэтов, к которому принадлежал и Павел Антокольский.

Фото В. Иванова.

В 1921 году два его стихотворения были впервые напечатаны Валерием Брюсовым. Одно из них — «На рождение младенца» — поэт и до сих пор помещает как вступление к собранию своих сочинений. В 1922 году появился первый сборник стихотворений Антокольского. Так вошел он в литературу.

«Жадное стремление жить удесятеренной жизнью» привело юношу-поэта еще до революции, в 1914 году, в Студенческую театральную студию, руководимую Евгением Вахтанговым. Антокольский уже писал стихи. Романтическая жажда жизни и поэтическое видение мира совпали в любви к театру. Театр явился истоком творческой судьбы Антокольского. Впоследствии поэт был и актером, и режиссером, и драматургом, но не выбрал ни одной из этих «специальностей», оставшись артистом в целостном смысле, и это имело решающее значение для всего его пути.

Праздник театра завладел поэзией Павла Антокольского. Наступила эпоха искусства, обращенного к массам. В многообразных перевоплощениях поэта мы узнаем мгновенную артистичность, широкий жест, приподнятость зрелища. Поэт творит как бы на громадной сцене, на наших глазах. В этом есть общее с поэтической публицистикой Владимира Маяковского, которого Антокольский знал и слышал. Он пишет в одном из стихотворений о поэте революции:

Но каждое утро, как в первом изданье,
Впервые вперяет глаза в мирозданье,
В сумятицу гавани, в давку вокзала,
И снова, как время ему приказало,
Встает на трибуне, и требует слова,
И на смерть идет, и рождается снова.

Жизнь Павла Антокольского — пример интенсивнейшего общения поэта с эпохой, современниками. Отметим лишь некоторые вехи. В 1916 и 1921 годах он видел и слышал Александра Блока. В 1918 году Антокольский впервые встретился с Мариной Цветаевой; к 1923 году относится его знакомство с Николаем Тихоновым, к 1924-му — с Владимиром Луговским. О них рассказал он в статьях и стихах.

Время диктовало обостренный интерес к ходу истории, к современности как части истории. В 1923 и 1928 годах Антокольский побывал за границей. Вторая книга поэта «Запад» и его «Третья книга», сборник «1920—1928» сталкивают образы нынешнего и минувшего, картины буржуазного «страшного мира» и революционную память о борцах за свободу. Лейтмотив — предчувствие грядущих потрясений. Время подсказывает форму исторических драм, драматических поэм: «Робеспьер и Горгона», «Франсуа Вийон».

Современник небывалого ускорения мировых событий, Антокольский избирает Историю своим главным героем. Поэта привлекают бурные эпохи народных движений.

На сцену Трагедия вышла, наполнив
Преданьями путь от себя и до нас.

В тридцатые годы перед Антокольским, как и перед другими советскими писателями, шире распахнулась родная страна; он много ездит, бывает в республиках, переводит поэтов Украины, Грузии, Армении, Азербайджана. Книги стихов Антокольского «Действующие лица», «Большие расстояния», «Пушкинский год», «1933—1940» вбирают темы истории и современности, пафос строительства социализма. «Я видел всю страну»,— радуется поэт. Вместе с тем в его стихах нарастает тревожная нота близящейся военной грозы.

22 июня 1941 года, в день начала Великой Отечественной войны, Павел Антокольский подал заявление о приеме в Коммунистическую партию. Книги поэта-коммуниста — «Полгода», «Железо и огонь», «Сын», «Испытание временем», «Третья книга войны», драматическая поэма «Чкалов», публицистические статьи — остались в ряду свидетельств подвига народа и его литературы.

Удостоенная Государственной премии СССР, поэма Павла Антокольского «Сын» имеет посвящение: «Памяти младшего лейтенанта Владимира Павловича Антокольского, павшего смертью храбрых 6 июля 1942 года».

Поэма превозмогала скорбь и звала на бой:

И в том бою, в строю неистребимом
Любимые чужие сыновья
Идут на смену сыновьям любимым
Во имя правды большей, чем твоя.

Так говорил отец, так говорил поэт. А сыну — последнее:

Прощай. Поезда не приходят оттуда.
Прощай. Самолеты туда не летают.
Прощай. Никакого не сбудется чуда.
А сны только снятся нам. Снятся и тают.

...С годами Антокольского все более занимает философия Времени. Он берет вечные образы как сгустки Памяти поколений, актуальнейшие символы людской мудрости. В его стихах возникает галерея портретов: типы Шекспира, Сервантеса, Гоголя; образы мастеров — от Пиросмани до Босха, от Бальзака до Тициана Табидзе. И все это — портреты наших живых современников! Огню, а не пеплу истории посвящены поэмы Антокольского: «Коммуна 1871 года», «Два портрета», «Коммунистический манифест», «Княжна Тараканова». В других поэмах («Кощей», «Ярославна», «В переулке за Арбатом», «Повесть временных лет») минувшее встречается с сегодняшним. Циклы стихов и статей Антокольский посвящает Пушкину — незаходящему солнцу русской поэзии «Баллада о чудном мгновении» вторит легенде о посмертной встрече поэта и его героини. Невероятные встречи времен, эпох описаны в книге прозы «Сказки времени». И сборники стихов последних лет — «Повесть временных лет», «Ночной смотр» — вдохновлены грандиозными возможностями Человека в борьбе с небытием. Поэт не уходит в Историю — он приходит с ней в наши времена.

Только эта победа осталась.
Только эта надежда вернулась.
В дальний путь снаряжается старость.
Вслед за ней продолжается юность.

Если к этому прибавить книги переводов французской поэзии («Гражданская поэзия Франции», «От Беранже до Элюара», «Медная лира»), книгу публицистики «Сила Вьетнама», книги критической прозы («Пути поэтов», «Путевой журнал писателя»), то, кроме количественного представления о работе Павла Антокольского, мы более точно ощутим и самый ее пафос, высокое напряжение, ее созидающий смысл.

Среди поэтов, которые считают себя учениками Павла Григорьевича Антокольского, — мастера нескольких поколений. Но и он уверен, что учится у них «сумасшедшим истинам поэзии».

Слушай гул аудиторий!
Это юность сыновей
Входит в будущее, вторя
Ранней юности твоей.

Таким пришел поэт к своему восьмидесятилетию. «Но каждое утро, как в первом издание, впервые вперяет глаза в мирозданье...»

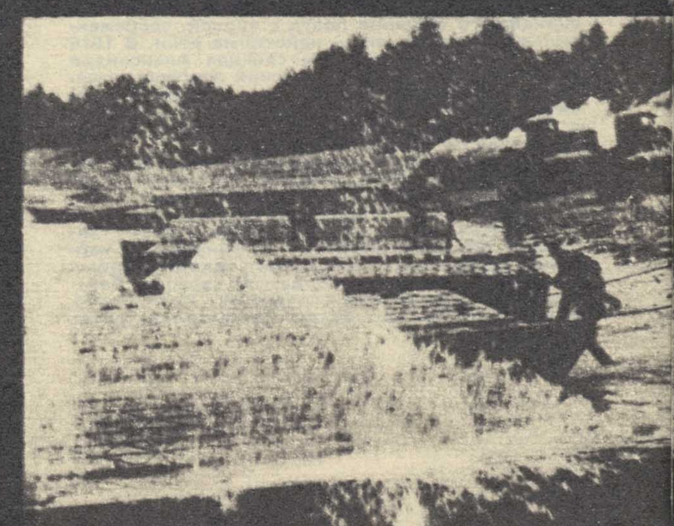
Переправа по понтонному мосту через реку Вуоксу.

Фото
А. НАГРАЛЬЯНА,
специального
корреспондента
«Огонька».

УЧЕНИЕ «СЕ

Атакуют мотострелки.

«Звенья на воду!» Понтонный мост будет наведен быстро.

ВЕР»

Летчик-инженер, старший лейтенант Владимир Бучнев.

Леса, болота, множество глубоких и холодных озер, пади, усеянные гранитными валунами... Таков край, где проходило войсковое учение «Север» войск Ленинградского военного округа. За ходом учения наблюдали приглашенные представители вооруженных сил Германской Демократической Республики, Норвегии, Польской Народной Республики, Финляндии, Швеции.

События на «поле боя» развивались стремительно. Прорвав оборону «северных» на промежуточном рубеже, подразделения «южных» достигли правого берега реки Вуоксы. «Северные», отойдя за реку, заняли оборону. «Южные» стали форсировать эту водную преграду, и здесь войскам обеих сторон пришлось решать сложные задачи, держать серьезный экзамен на тактическую зрелость, на боевое мастерство.

Широкая и полноводная, особенно нынешним дождливым летом, Вуокса была серьезной преградой, и преодолеть ее с ходу «южным» не удалось. Началась огневая подготовка к форсированию. В реку рванулись плавающие танки. На плаву они вели огонь из пушек и пулеметов. За танками устремились плавающие бронетранспортеры с мотострелками. Вертолеты, несмотря на исключительно сложные метеоусловия, доставили на берег, занятый «противником», тактический десант.

Грохот боя не умолкал ни на минуту. Шла артиллерийская дуэль. «Северные» попытались контратаковать. В бой вступили боевые вертолеты обеих противоборствующих сторон. Но «южные» продолжали наступление. К реке прибыли понтонеры и стали наводить переправу.

А на левом берегу бой разгорелся с новой силой. «Северные», подтянув резервы, предприняли новую контратаку. Но поздно! Понтонеры уже навели мост. По нему на большой скорости пошли танки и самоходная артиллерия.

В этом напряженном бою солдаты и офицеры как «северных», так и «южных» войск продемонстрировали боевое мастерство, волю к победе, находчивость, физическую закалку.

...Войсковое учение «Север» закончилось. Его участники показали высокую полевую и воздушную выучку, умение вести бой в соответствии с законами современной тактики, мастерски использовать первоклассную технику и вооружение, четко взаимодействовать.

Иностранные военные наблюдатели выразили искреннюю благодарность за предоставленную им возможность присутствовать на войсковом учении «Север». Глава финской делегации генерал-майор Пентти Сюрья подчеркнул, что приглашение на учение иностранных наблюдателей свидетельствует о последовательном выполнении советской стороной положений Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Он сказал также, что учение произвело на него глубокое впечатление. Оно убедительно показало высокий уровень боевой подготовки войск.

Вода бодрит.

Хлеб для «передовой».

Заместитель министра обороны СССР главнокомандующий сухопутными войсками генерал армии И. Г. Павловский и руководитель учения командующий войсками ордена Ленина Ленинградского военного округа генерал-полковник А. И. Грибков среди наблюдателей иностранных армий.

Плавающие танки во время форсирования водной преграды.

ХОЗЯЙКИ ОДНОГО КРУГА

— Когда я бегу четыреста метров и мне очень трудно, так трудно, что и словами не передать, я утешаю себя: «Не забывай, что тебе терпеть только один круг. Всего лишь один круг».

Так говорила нам Надежда Ильина, чемпионка и рекордсменка страны в беге на 400 метров. Мы не знаем, удается ли ей убеждать себя в том, что один круг — это немного, но нас ее слова убедили в обратном: бег на один круг — это очень много. И не случайно эта дистанция в олимпийскую программу женской легкой атлетики включена совсем недавно, в 1964 году.

Даже восьмисотметровая дистанция получила права гражданства значительно раньше — еще в 1928 году, на IX Олимпийских играх в Амстердаме. Правда, после этого бег на два круга из Олимпийской программы исчез, но в Риме в 1960 году снова появился, и для нас это было счастливым нововведением, потому что первенство завоевала наша Людмила Шевцова. А теперь, перед Олимпиадой в Монреале, имя другой советской спортсменки, Валентины Герасимовой, прогремело на весь мир: она пробежала 800 метров со временем нового мирового рекорда — 1 минута 56 секунд.

Итак, олимпийское первенство в беге на 400 метров для женщин впервые было разыграно на Олимпиаде в Токио, и тогда золотую медаль получила австралийка Б. Катберт. Она пробежала 400 метров за 52 секунды, и в те годы это был высокий результат. Даже на следующей Олимпиаде, в Мехико, новой победительнице, француженке К. Бессон, не удалось улучшить это время. В чем же сложность бега на 400 метров? Эта дистанция считается длинным спринтом и требует от спортсменок высокой выносливости и не менее высокой скорости. Держать предельную скорость на протяжении не ста и не двухсот, а четырехсот метров — задача исключительно сложная. И особенно преуспели в ней спортсменки ГДР. На Олимпиаде в Мюнхене в 1972 году золотую медаль завоевала Моника Церт, преодолев дистанцию за 51,08 секунды. Да и все шестеро участниц финала вырвались из границ 52 секунд.

Наша Надежда Ильина не попала тогда в число шести лучших. Всего лишь за год до мюнхенской Олимпиады Ильина испытала свои силы в беге на 400 метров и хоть не раз показывала достаточно высокие результаты, но быстрее чем за 53 секунды преодолеть один стадионный круг ей не удавалось. Конечно, после того, как на Олимпийских играх в Мехико Наталья Бурда завоевала в беге на 400 метров бронзовую медаль, неудача ее молодой сменщицы в Мюнхене не могла не огорчить, но тут-то и сказалась одна очень важная черта в характере Нади Ильиной, черта, без которой в длинном спринте делать нечего.

Наталья Бурда так определила эту черту: «Плюс характер». Она и расшифровала эту формулу, заявив, что для длинного спринта необходимо отбирать спортсменок скоростных, талантливых, обладающих подходящим телосложением, а значит, высоких, стройных, с длинными ногами и обязательно обладающих сильным характером.

Так вот, Надежда Ильина как раз обладает таким характером. Неудача в Мюнхене не заставила ее сойти с круга. Наоборот, она стала тренироваться еще больше, и вскоре ей удалось улучшить всесоюзный рекорд Натальи Бурды. Но что стоили те 52 секунды, в которые уложилась Надежда Ильина, если с таким результатом побеждали еще на Олимпиадах в Токио и Мехико? И вот все годы, предшествующие нынешним Олимпийским играм в Монреале, Надежда Ильина не жалела сил. Ей многое удалось, но одновременно добивались успеха и ее главные соперницы. Так, Моника Церт в 1973 году установила новый мировой рекорд — 51 секунда ровно, а спустя еще год полька Ирена Шевиньска показала фантастическое время — 49,9 секунды.

Успехи Надежды Ильиной пока не столь блистательны. В 1974 году она установила новый рекорд СССР — 51,22 секунды, а совсем недавно достигла рубежа — 51,19 секунды. Много отличных выступлений за последние три года накопилось на ее боевом счету. Ей удавалось побеждать сильных соперниц на дорожках и Старого и Нового света. В 1974 году на чемпионате Европы в Риме Надежда Ильина была четвертой, а в эстафете, завершая усилия своих трех подруг — Инты Климовича, Натальи Соколовой и Ингрид Баркане,— обеспечила своей команде бронзовую медаль. 3 минуты 26,1 секунды — такое время показала команда СССР, и до сих пор оно является одним из лучших в мире.

Да, для Надежды Ильиной и ее подруг эстафета, пожалуй, главный козырь. Много раз и в прошлом сезоне и в нынешнем команда СССР выступала очень успешно, и нет никаких сомнений, что в Монреале борьба спортсменок ГДР, США, Финляндии и СССР в эстафете 4 × 400 метров будет одним из самых захватывающих зрелищ легкоатлетической программы.

Всего лишь раз разыгрывалась эта эстафета, в Мюнхене, и тогда успеха добилась команда ГДР. А что будет в Монреале? Ответ на этот вопрос мы получим очень скоро, а пока те, кто займет место на беговом круге монреальского стадиона, завершают долгие тренировки. И вот мы видим на обложке этого номера двух хозяек одного круга, двух закадычных подруг в жизни и неизменных соседок на эстафетных этапах — Надежду Ильину (справа) и Ингрид Баркане.

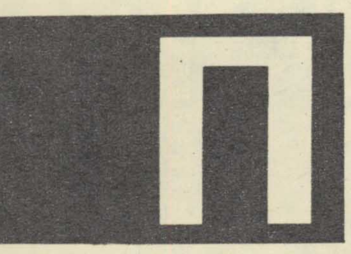
В. ВИКТОРОВ

человек и общество

ПОТРЕБИТЕЛЯ

Олег ШМЕЛЕВ

еред инструктором партийной комиссии сидел мужчина лет тридцати пяти. На его упругом матово-розовом лице — из тех лиц, которые принято называть холеными,— застыло выражение оскорбленного достоинства. По манере держаться было видно, что этот человек знает себе цену. И, вероятно, его излишняя самоуверенность, сквозившая в каждом жесте, делала этого человека несимпатичным для инструктора. Но инструктор не имел права поддаваться субъективным впечатлениям, его обязанность — скрупулезно и непредвзято разобраться в споре двух сторон.

Одной стороной была партийная организация проектно-конструкторского бюро, другой — Виктор Борисович Н. Коммунисты бюро исключили Н. из партии, райком утвердил их решение. Формулировка мотива: «За аморальное поведение и проявление чуждой социалистическому обществу мелкобуржуазной психологии». Виктор Борисович был не согласен с таким решением и подал в партийную комиссию жалобу. В заявлении, написанном разборчивым бухгалтерским почерком, он категорически отрицал за собой и аморальное поведение и мелкобуржуазную психологию, он их просто не видел.

Таковы исходные данные, которыми располагал инструктор. Чтобы партийная комиссия смогла вынести справедливое решение, предстояла кропотливая работа — пройти по всей длинной цепочке «за» и «против», последним звеном которой явилось исключение коммуниста из партии. Падение может оказаться закономерным, логическим завершением всего предыдущего, но может быть и результатом случайного срыва. Сколько уж раз бывало: долго шел человек прямым, ясным путем и вдруг поскользнулся, что называется, на арбузной корке. Такого нельзя убирать с дороги, ему надо помочь снова стать на ноги. Короче говоря, инструктору предстояло узнать и понять жизнь незнакомого человека.

Заверив Виктора Борисовича, что его жалоба будет рассмотрена объективно, инструктор попрощался с ним и еще раз перечитал все бумаги дела. Почерпнуть из них можно было немного. Бумаги содержали сухую констатацию происшедшего, застывший слепок с нескольких фактов. Но одна бумага обращала на себя внимание — это было письмо за тремя подписями, с которого, собственно, все и началось. Соседи Виктора Борисовича обращались в партийную организацию конструкторского бюро, где он работал, с просьбой защитить его жену и двоих детей от издевательств мужа. «Не подумайте, что нас об этом просила Нина,— говорилось в конце письма.— Она не такая, жаловаться никогда не будет». Чутье подсказывало инструктору, что эти слова могут стать ключом к пониманию конфликта.

Инструктор, чтобы не разбрасываться, составил список людей, с которыми необходимо было поговорить в первую очередь, расписал по часам порядок встреч и приступил к расследованию — иначе назвать его работу в данном случае было трудно. Как выяснилось впоследствии, его список оказался слишком коротким. По ходу дела пришлось обращаться все к новым и новым людям. Частенько рабочего дня не хватало, и инструктор прихватывал три-четыре вечерних часа.

Вот что в конце концов обнаружилось.

...Виктор рос в благополучной семье. Отец его был врачом, большим специалистом в своей области, мать преподавала в институте немецкий язык.

Ясно, что Витеньку, как единственного в семье ребенка, баловали. Осуждать за это родителей строго не приходится, ибо они, сами прожившие трудное детство, руководствовались, как и многие им подобные люди, известным принципом: «Пусть хоть ребенок поживет по-человечески». Учился их сын хорошо, не хулиганил, так что у отца с матерью не было причин считать свой метод воспитания неправильным.

Но вот деталь. Однажды школьники ходили по квартирам собирать макулатуру. Кипу старых газет и журналов две девочки снесли вниз и оставили на площадке первого этажа, а сами пошли в другой подъезд. Витя Н., как видели сидевшие во дворе старушки, ждал этого момента. Едва девочки скрылись в соседнем подъезде, он схватил кипу и убежал. Школьницы были очень расстроены.

Вероятно, Вите не хотелось делать «черную работу» — бегать по этажам. Свою норму по сбору макулатуры он выполнил быстрее других и, надо полагать, был похвален...

В десятом классе Виктор стал комсомольцем, редактировал стенгазету и вообще считался активным общественником. По окончании школы он сделал попытку поступить в университет, но не выдержал конкурса. Однако полученных им баллов хватило для того, чтобы быть зачисленным в институт народного хозяйства. Он пошел туда скрепя сердце, рассчитывая через год или два все-таки устроиться в университет. Однако ничего не получилось, он продолжал учиться в институте. Шел без «хвостов», но энтузиазма не проявлял. Когда был уже на третьем курсе, произошло несчастье...

Отец, во время войны хлебнувший полной мерой, трижды раненный осколками бомб и контуженный, скончался от разрыва сердца. Мать пережила его лишь на месяц. После ее смерти Виктор три дня не ел и не спал...

Положение Виктора сразу резко изменилось. Если не считать тети, старшей сестры отца, жившей в Куйбышеве, он очутился один на всем белом свете. Никаких накоплений родители не оставили.

Ему уже исполнился двадцать один год, он был физически здоров, крыша над головой — отличная, надо сказать, крыша — имелась. По сравнению со многими своими сверстниками Виктор находился в более благоприятных обстоятельствах. У него была возможность поступить на работу, а в институте продолжать учебу на вечернем отделении. Он, например, будучи еще на первом курсе, научился водить машину и получил права, так что, пройдя короткую переподготовку, мог бы устроиться шофером на любую из многочисленных автобаз.

Но Виктор избрал иной способ существования.

Три месяца он жил на деньги, полученные в комиссионном магазине от продажи вещей. На полмесяца его выручила Большая советская энциклопедия, сданная в букинистический. Можно было бы еще с год пробиваться тем же образом — у него имелись подаренные родителями дорогой немецкий магнитофон, американский фотоаппарат и японский транзисторный приемник, но с ними Виктору не хотелось расставаться, так же, как с перстнем и серьгами матери. Однако, когда исчез последний «энциклопедический» рубль, перед ним со всей своей остротой встал вопрос: на какие средства жить дальше?

Решилось все чрезвычайно легко. Виктору было известно, что с гостиницами в Москве туго, множество приезжих не могут получить даже койки в многоместном номере. А у него прекрасная квартира: две двадцатиметровых комнаты, кухня в двенадцать квадратных метров. В родительской спальной — две кровати. И как он раньше об этом не подумал?!

Как-то под вечер Виктор отправился в гостиницу «Украина». Побродив в просторном вестибюле среди мрачных людей, на лицах которых была написана безнадежность, он нацелился на двух мужчин, по виду южан, которые стояли в углу и поглядывали из-под насупленных бровей. Виктор подошел и без обиняков предложил им кров, а они без колебаний приняли предложение. Сели в такси, поехали на Курский вокзал, где взяли из камеры хранения несколько чемоданов, и через час квартира Виктора заселилась первыми постояльцами.

Жители благословенного юга пробыли в Москве месяц и оказались щедрыми людьми. Они сразу выдали Виктору три сотни на харчи, чтобы он обеспечил завтраки и ужины на троих; вино покупали сами. За жилье уплатили двести рублей.

Отбывая в родные края, южане записали адрес и телефон Виктора и сказали, что отныне он может рассчитывать на постоянную клиентуру, ибо многие их друзья и знакомые часто посещают столицу.

Действительно, не прошло и недели, как Виктор уже принимал новых гостей. Эти оказались еще щедрее, и пили больше, и женщин не чурались. Несколько раз они устраивали довольно шумные вечеринки. Но, надо отдать должное

Виктору, он в попойках не участвовал. Он вообще не употреблял спиртного; к тому же началась сессия, надо было сдавать экзамены...

Когда сессия закончилась, весь курс отправился на целину, а Виктор остался в Москве: ему удалось разжалобить и ввести в заблуждение старого доктора, профессора, друга его отца, и тот дал ему справку, что Виктор нуждается в стационарном лечении по поводу функционального расстройства нервной системы. Профессор в самом деле предполагал положить Виктора в клинику, но его вторичного прихода не дождался.

Все шло как нельзя лучше. Виктор имел ежемесячно двести рублей за квартиру плюс даровые харчи, да еще кое-что отначивал из денег, дававшихся ему на закупку продуктов и спиртного, да еще подарки натурой — то привозной коньяк, то орехи, то фрукты. Из коньяков у него составилась целая коллекция, ибо, повторяем, он не пил.

Единственное, что сильно омрачало и досаждало,— уборка квартиры. Ему претило возиться с веником, тряпкой и помойным ведром, его тошнило при виде огрызков, обглоданных куриных костей, которые приходилось убирать со стола после обильных трапез его жильцов и их гостей, вернее, гостий.

Необходимо было что-то придумать, и он придумал.

Однажды воскресным утром, отправившись в магазин, Виктор увидел возле рекламного щита, на котором был наклеен репертуар кинотеатров, одиноко стоявшую девушку. Он замедлил шаг, внимательно ее оглядел. Невысокого роста, но стройная, фигурка подобранная. На сильно загоревшем лице ни следов помады, ни туши. Одета чистенько, и сумочка в тон туфлям. Опытный глаз Виктора сразу определил, что девушка эта не москвичка.

Подойти и заговорить для него не составляло труда. Через пять минут они были знакомы, а через десять условились вместе пойти вечером в кино и встретиться у кинотеатра «Форум». Так в жизнь Виктора вошла Нина, которой он прочил вполне определенную роль, разумеется, не сообщая ей об этом.

В тот же вечер он знал о Нине все. Она окончила ПТУ и второй год работала в Москве крановщицей на стройках, а жила в общежитии. Из родителей у нее только мать, на руках у которой еще двое ребятишек. Живут они в деревне. Нина зарабатывает по двести, а то и больше в месяц и, конечно, половину отсылает матери. Нина рассказывала о себе без видимого смущения, только как-то неловко прятала руки. Виктор обратил внимание, что они похожи на мужские — кисти широкие, с набрякшими жилами.

Он постарался держать себя как можно проще. После сеанса проводил ее до общежития: оказалось, оно буквально в трех минутах ходьбы от его дома.

Знакомство завершилось тем, что через две недели Нина пришла ночевать к Виктору и с той поры не ночевала больше в общежитии. Она хотела перенести вещички, но Виктор отсоветовал. Спецодежду Нина после работы оставляла в общежитии, мылась там в душевой, переодевалась и представала перед Виктором чистой и нарядной. Нина за свою девятнадцатилетнюю жизнь была впервые влюблена по-настоящему и смотрела на Виктора, как на икону.

Вопрос с уборкой квартиры был для Виктора решен...

Теперь все пошло еще лучше, но досадный случай в один непрекрасный день круто изменил положение. В начале августа Виктор принял очередных постояльцев — двух молодых людей. Сначала они вели себя тихо и солидно. Днем исчезали куда-то по делам, а к вечеру, усталые, но довольные, возвращались, ужинали и, поговорив немного, укладывались спать. Так продолжалось дней десять. А затем, видно, деловая часть командировки у молодых людей кончилась и начались увеселения.

Как-то вечером, придя после работы, Нина была удивлена: в комнате, где обитали квартиранты, творилось что-то невообразимое. Ревел пущенный на полную мощность магнитофон, слышались женские взвизги, мужская грубая ругань.

Виктора не было. Нина заперлась в его комнате.

О том, что произошло дальше, Нине до сих пор неприятно вспоминать.

Соседи, выведенные из себя, позвонили в милицию. Пришел участковый, проверил документы. У одного из жильцов Виктора не оказалось ни паспорта, ни единой бумажки, удостоверяющей личность. Беспаспортного пригласили в отделение. По дороге он пытался бежать, но был задержан. Дня через четыре Виктора вызвали на допрос, и следователь сказал, что он дал приют спекулянту, осужденному, но сумевшему скрыться изпод стражи из зала суда. Следователь посоветовал впредь лучше выбирать своих клиентов и, между прочим, заметил, что Виктор, продолжая сдавать квартиру, неизбежно вступит в конфликт с законом. Виктор вернулся перепуганный, клял на чем свет стоит этого спекулянта и ругал себя за недальновидность.

В довершение всего вскоре к Виктору явилась комиссия из жэка. Осматривая квартиру, пожилые женщины переговаривались, и смысл их реплик сводился к тому, что сорок квадратных метров многовато для одного. И комнаты изолированные, значит, подселить можно безболезненно. Тогда еще с жильем в Москве было сложно, и в справедливости мнения комиссии сомневаться не приходилось...

Виктор действовал решительно. В тот же день он предложил Нине оформить брак, на что она с радостью согласилась, тем более что была уже беременна. Она боялась говорить об этом Виктору, боялась огорчить его, но тут сказала, и, против ее ожиданий, он не только не огорчился, но был очень доволен. И послал Нину в женскую консультацию за справкой о беременности.

Эту справку вместе с копией заявления, поданного в загс, Виктор отнес в жэк, и вопрос о подселении отпал...

Так начался новый, чистый период в житии Виктора Н.

Нина перенесла свои вещички. По просьбе мужа написала матери о перемене своей судьбы и сообщила, что теперь будет переводить ей не по сто рублей в месяц, а по двадцать.

Семейный бюджет, состоявший из заработка Нины и стипендии Виктора, вполне устраивал молодую чету. Виктор всерьез взялся за учебу и четвертый курс закончил одним из лучших.

Чтобы, как говорят, отбояриться от поездки на целину, хитрить на сей раз не пришлось: Нина родила в апреле дочку. Ни у кого бы не поднялась рука отрывать молодого отца от семьи...

Нина обожала своего мужа, и авторитет его был непререкаем. На лето 1962 года Виктор составил такой план: она с дочкой отправляется к матери в деревню (это полезно и для нее и для ребенка), а он займется кое-какими делами, чтобы заработать денег и компенсировать потерю Нининой зарплаты за те два месяца ее дополнительного отпуска, который она возьмет без сохранения содержания.

Проводив жену с ребенком, Виктор уложил в большой отцовский альпинистский рюкзак фотопринадлежности — увеличитель, ванночки, бачки, химикаты, оделся попроще, повесил на грудь фотоаппарат и уехал в Рязань. Из Рязани отправился пешим маршрутом по селам и деревням, а если на пути встречался пионерский лагерь — сворачивал к лагерю...

Два месяца курсировало передвижное фотоателье по весям Рязанщины. В Москву Виктор вернулся здоровым, загоревшим и бодрым. И с кучей денег в кармане. Большую их часть он положил в сберкассу, а книжку спрятал среди отцовских бумаг.

Нина вернулась, ребенка устроили в ясли, и она снова стала работать, а Виктор приступил к занятиям. В зиму с 1962 на 1963 год Нина была особенно внимательна к мужу — ведь у него самый ответственный, пятый курс,— хотя ей приходилось очень трудно: и ребенка кормить, и работа, и еду готовить. Она перешла в ночную смену — благо на некоторых объектах строительство велось круглосуточно. Бюджет оставался прежним: ее зарплата плюс стипендия Виктора.

Однажды, делая генеральную уборку, Нина случайно обнаружила сберкнижку. Но ни тени обиды не шевельнулось в ее душе. Мало ли для чего нужны Виктору эти сбережения? Может, хочет сделать ей подарок ко дню рождения.

Никаких подарков не было. Виктор целиком ушел в учебу и о дне рождения Нины вообще не вспомнил. Она не обиделась.

На пятом курсе Виктор шел блестяще. Его приняли кандидатом в члены партии. А его дипломную работу оценили как образцовую...

Нина ждала второго ребенка, чему, как выяснилось, муж не очень-то радовался. Когда он об этом узнал, то завел разговор об аборте, но было уже поздно. И тогда впервые ее выругал. Он был сильно зол: почему не сказала раньше? Нина приписала вспышку его усталости и нервам: уж слишком много Виктор занимался.

Но все это оказалось чистой лирикой по сравнению с тем, что произошло впоследствии. Вот этапы биографии Виктора Н., обозначенные в рабочем блокноте инструктора партийной комиссии.

Окончив институт и воспользовавшись законным правом человека, имеющего ребенка и беременную жену, Виктор получил возможность устраиваться на службу по своему усмотрению — общие правила распределения на него не распространялись. Будучи плановиком-экономистом, поступил на штатную должность в проектно-конструкторское бюро и по совместительству, на полставки,— консультантом в проектное бюро, специализирующееся на сельскохозяйственном строительстве.

В 1969 году, когда первая дочка пошла в школу, а второй исполнилось шесть, Виктор фактически перестал быть мужем Нины. Дома почти не ночевал, на содержание детей выдавал Нине восемьдесят рублей в месяц. В 1973 году купил автомашину «Жигули», а в 1974 году приобрел однокомнатную кооперативную квартиру, но не на свое имя, а на имя некоей двадцатилетней особы, с которой познакомился тремя годами раньше. В начале 1974 года подал в суд заявление о разводе с Ниной. Весной 1974-го их развели, так как жена не возражала. Виктор потребовал раздела квартиры и имущества. При одном из последних разговоров с Ниной он с обезоруживающей откровенностью объяснил ей: если бы ему разрешили купить двухкомнатную кооперативную квартиру, он бы о разделе не хлопотал, но обойти правила не удалось. Он наметил обменять комнату и кооперативную квартиру на двухкомнатную...

Вот тут-то — когда возник вопрос о разделе — соседи и вступились за Нину и ее детей. При разбирательстве в партийной организации проектно-конструкторского бюро персонального дела Виктора Борисовича Н. обратили внимание на тот факт, что он неоднократно брал на несколько дней проекты сельскохозяйственных построек на дом. И столько же раз испрашивал у начальства отпуск за свой счет. Вспомнили, сопоставили даты, и получалось так, что отпуск всегда следовал за «работой на дому». Кто-то высказал предположение, что Н. мог снимать с проектов копии и продавать их колхозам. Это уже уголовно наказуемое деяние... Но доказать, найти улики не удалось. Виктор Борисович ни в чем себя виноватым не признавал. Во время собрания один из коммунистов задал ему вопрос: «Слушайте, уважаемый Виктор Борисович, вы когда-нибудь в жизни говорили кому-нибудь словечко «на»?» Он только пожал плечами.

Вызванная на бюро Нина ничего плохого о своем муже не говорила (откровенной она была уже позже, в разговоре с инструктором), но тем не менее его исключили из партии с уже известной мотивировкой, а позже уволили из бюро.

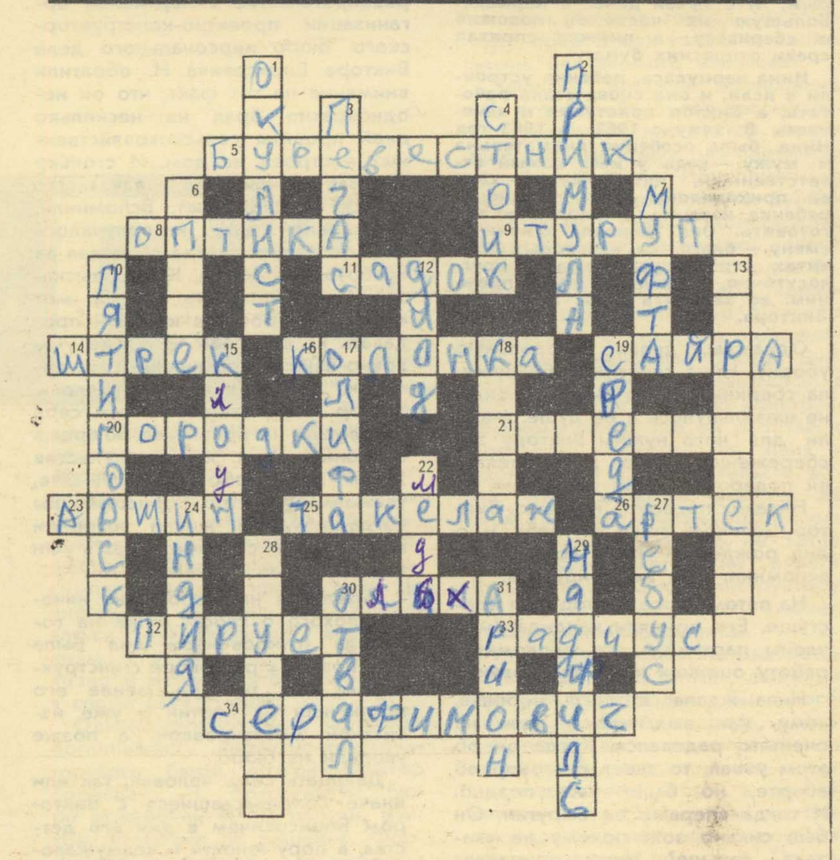
Двадцать семь человек, так или иначе соприкасавшиеся с Виктором Борисовичем в дни его детства, в пору юности и возмужалости, были собеседниками инструктора партийной комиссии за полтора месяца, потраченные на расследование. Инструктор испытывал чувство брезгливости: из собранных материалов, как из мозаики, отчетливо сложился портрет законченного потребителя. Инструктор пытался найти в биографии Н. хоть один момент, который позволил бы применить по отношению к нему тезис об ответственности общества за моральный облик каждого своего члена и тем самым получить повод для снисхождения. Но тщетно. Виктор Борисович сделал себя таким, каков он есть, своими собственными руками, общество тут было ни при чем. Эти руки только брали от людей и общества, но ничего не давали. Инструктору не хотелось даже подсчитывать, сколько денег потратило государство, чтобы Виктор Н. получил высшее образование. Для инструктора в отличие от Виктора Н. не все сводилось к деньгам...

Сомневаться в окраске мировоззрения Виктора Борисовича не было причин: наше мировоззрение выражается в наших поступках, а если говорить более возвышенно и вместе с тем более точно — в линии жизни.

Парткомиссия признала жалобу бывшего члена партии Н. необоснованной...

Инструктор, сдав дело в архив, подумал, что этот человек, к счастью, не тип. И потребительское отношение к жизни, к обществу, к государству у нас не типичное явление. И еще он подумал так: если сравнить процесс типизации явлений с процессами кристаллизации, то можно утверждать, что до образования кристаллов не дойдет — ведь кристаллизация происходит лишь в перенасыщенном растворе. Для личностей, подобных Виктору Н., наше общество представляет неподходящий «раствор». Но они, к сожалению, появляются среди нас, и надо, чтобы они не могли процветать.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Морская птица. 8. Раздел физики. 9. Самый крупный из Курильских островов. 11. Помещение для содержания и разведения животных. 14. Горизонтальная горная выработка. 16. Водоразборное устройство. 19. Тихоокеанская промысловая рыба. 20. Спортивная игра. 21. Строй в одну шеренгу. 23. Старинная русская мера длины. 25. Совокупность всех снастей судна. 26. Пионерский лагерь в Крыму. 30. Лиственное дерево. 32. Полный оборот танцора на месте. 33. Линия, соединяющая точку окружности с центром. 34. Советский писатель.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Врач. 2. Цветок. 3. Созвездие северного полушария неба. 4. Роман Т. Драйзера. 6. Река в Венесуэле. 7. Деталь для соединения труб. 10. Курорт в Ставропольском крае. 12. Электронная лампа. 13. Порт в Колумбии. 15. Рассказ М. Горького. 17. Смесь, применяемая для производства красок, лаков. 18. Приток Вишеры. 19. День недели. 22. Металл. 24. Государство в Азии. 27. Загадка. 28. Каждый звук музыкального звукоряда. 29. Небольшой напильник. 30. Часть плуга. 31. Стихотворение А. С. Пушкина.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 25

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 6. Вокзал. 8. Декрет. 9. Дунаец. 10. Дуга. 11. «Консуэло». 12. Трапеция. 13. Весна. 15. Фигаро. 17. Байка. 18. Михайловская. 21. Галка. 23. Кортик. 26. «Столп». 28. Макеевка. 29. Ангстрем. 30. Тмин. 31. Морена. 32. Левкой. 33. Килька.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Змееносец. 2. Гольдони. 3. Фарватер. 4. «Вечеринка». 5. Дарасун. 7. Конфета. 14. Афиша. 15. Франк. 16. Отсек. 17. Брамс. 19. Санаторий. 20. Аллегория. 22. Кремень. 24. Оратория. 25. «Иванушка». 27. Титовка.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Надежда Ильина (справа) и Ингрид Баркане выступают в беге на 400 метров. (См. в номере репортаж В. Викторова «Хозяйки одного круга».).

Фото А. Бочинина.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Мехико и его окрестности. (См в номере «Мексиканский дневник».)

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

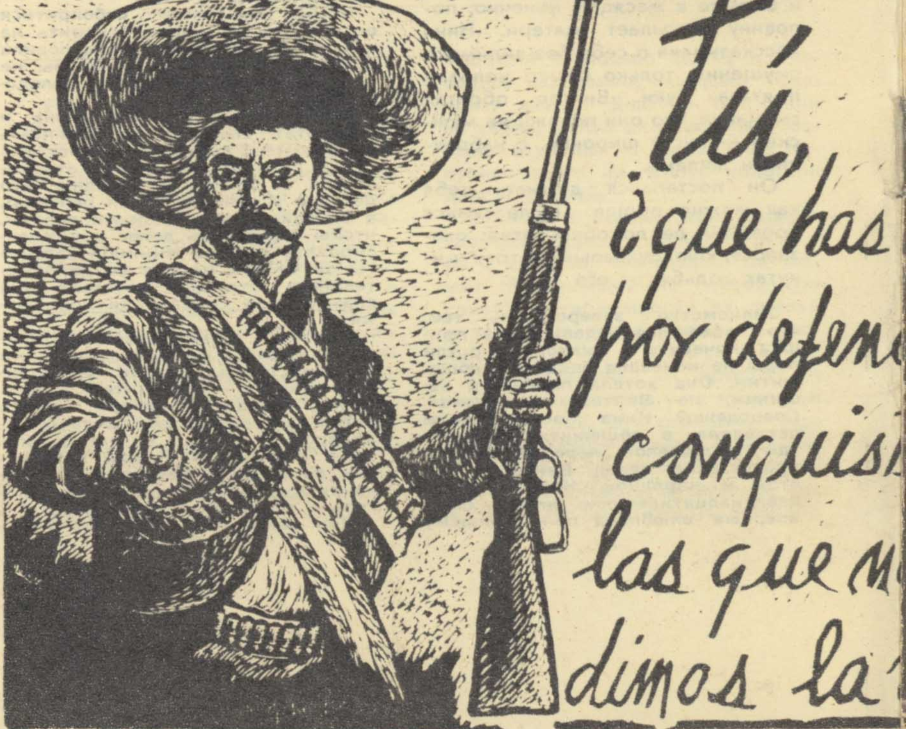
Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 7/VI — 1976 г. А 00666. Подп. к печ. 22/VI — 1976 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1489. Тираж 2 070 000 экз. Заказ № 2346.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Para los lectores de "Ogoniók" el más cálido abrazo desde el lejano México. Bustos

«Издалека самый сердечный привет читателям «Огонька».
Мехико. Бустос.

Авторы этих гравюр — Рина ЛАСО и Альберто БУСТОС

(см. в номере «Мексиканский дневник»).

hecho
der las
tas por
nsotros
vida?

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663

